

Михаил Русанов

ОСКОЛКИ

Ушедший век

Михаил Русанов

Осколки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11611632

Аннотация

Семейная сага. Центральная линия отдана истории трёх поколений русской и французской семей. Три поколения военных переплетены в суматохе 20-го века. Предательство, торговля оружием, политические интриги, трусость, любовь, – эти нити тянутся до наших дней в отношениях главных героев книги. Время действия – с русско-японской войны 1905 года до событий на Балканах 1997 года. Место действия – Россия, Франция, Англия, Балканы.

Содержание

Часть 1.	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Осколки Ушедший век Михаил Русанов

© Михаил Русанов, 2015

© Русанов Михаил, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть 1. Исход

Глава 1

13 марта (по старому стилю) 1904 года, под Порт-Артуром погиб вице-адмирал Макаров, командовавший эскадрой чуть более месяца.

Флагман эскадры, броненосец «Петропавловск», подорвался на mine. Русский флот понес тяжёлую утрату. Японцы, уважая доблесть, устроили в честь русского адмирала траурную церемонию.

В декабре 1904 года капитулировал Порт-Артур. Комендант крепости Стессель в тайне от военного совета выслал парламентариев к японцам. Россия потеряла форпост в Юго-Восточной Азии.

Главнокомандующий 3-й русскими армиями в Маньчжурии генерал Куропаткин отвёл войска в Мукдену. Под Ляояном русские одержали победу в ожесточенном сражении, но, подчиняясь приказу, русская армия оставила поле битвы, что было засчитано японцами как поражение. (Бестолковость генерала приведет русские войска под Мукденом к поражению, после чего Куропаткин оставит армию, бросит ее).

Император Николай II, опасаясь беспорядков внутри страны, держал главные войска поближе к Москве и Петербургу. Вынужденная мера, как следствие вечного недоверия к германскому кабинету и политическим козням Австро-Венгрии и Англии. О ситуации на Дальнем Востоке император старался не думать с позиции силы, прислушиваясь к просьбе Франции. Германия, усиливая свое влияние в Африке, досаждала французам, и Франция призывала к содействию в этом вопросе Россию, единственную страну, которая могла противостоять немецким угрозам. (Просьба носила странный характер – Франция недвусмысленно заявила, что может отказать России в кредитах).

На дальневосточных рубежах Российской империи наступала кульминация русско-японской войны.

На Балтике были сформированы вторая и третья эскадры русского флота. Второй эскадрой командовал адмирал Рожественский, третьей – адмирал Небогатов. Выйдя через северное море в Атлантику, пройдя вдоль Европы и всего запада Африки, эскадры спешили во Владивосток, дабы с моря прикрывать рубежи империи.

* * *

В середине мая 1905 года эскадра Рожественского вошла в Корейский пролив. В районе островов Цусимы эскадру поджидали японские корабли адмирала Того. Заметив главные силы японцев, русская эскадра, не успев перестроиться в кильватерную колонну, вступила в бой, уступая японцам по численности и техническому оснащению. Началась Цусимская битва.

Японцы обрушили на русских шквал снарядов. Они взрывались там, где и когда нужно, сея смерть среди людей и причиняя гибельные разрушения. Военный морской госпиталь и плавбаза русских были сразу же захвачены. Крики и стоны умирающих поглотили пожар

и море. Небо покрылось черным дымом. Шум выстрелов и взрывов перекрывал крики отчаяния тонущих. Но русская эскадра продолжала бой.

Офицеры штаба эвакуировали раненого адмирала Рожественского с тонущего броненосца на ближайший миноносец.

Японцы, словно чуя, где адмирал, обрушили на русский корабль огонь двух своих миноносцев. Почти все палубные надстройки на корабле были сметены взрывами. Уцелел лишь носовой плутонг, с которого русские вели яростный ответный огонь. Японский снаряд угодил миноносцу в левый борт в районе шкафута чуть выше ватерлинии. Посланный с другого корабля снаряд пробил ватерлинию в районе левого полубака, превращая переборки в куски искореженного металла, перемешивая их с кусками человеческих тел. В ответ два точных выстрела русских заставили японский миноносец замедлить ход.

Положение русского корабля, имевшего огромный крен на левый борт, было катастрофичным. Привязав адмирала Рожественского к пробковым матрацам офицеры спустили его на воду в надежде, что другой русский корабль его подберет. *(Зиновия Петровича подберёт миноносец «Бедовый», после чего корабль без боя сдастся японцам).* Из двухсот человек экипажа в живых оставалось шестьдесят. Капитан первого ранга Клод Декапье отказался покинуть корабль вслед за адмиралом. Он принял командование миноносцем на себя.

(Он никогда не узнает, что японцы возьмут адмирала в плен, из которого Зиновий Петрович вернется на родину в 1906 году. Что японцы с уважением будут относиться к адмиралу, поражаясь его мужеству. И что сам Хэйхатиро Того, отдавая дань уважения доблести и чести русских офицеров, мужеству и отваге русских матросов, позже скажет, что среди военных моряков нет им равных).

* * *

Декапье не видел, как волной отнесло тело адмирала от борта корабля. Пригибаясь при каждом взрыве, он бросился на командный мостик.

Сквозь шум боя нельзя было расслышать ни одного крика. С носового плутонга палили по противнику. В капитанской рубке, чудом уцелевшей в этом хаосе, Декапье нашел раненого молодого лейтенанта.

- Ваше имя, лейтенант?
- Василий Чуров, – прокричал раненый.
- Кто на баке командует канонирами?
- Мичман Дирунов. – Лейтенант дышал с трудом.
- Если выберемся отсюда, представлю его к награде.

Чуров попытался улыбнуться. В слуховой трубке послышался голос сквозь грохот и треск.

- Эй, на мостике, есть кто живой?!
- Каперанг Декапье. Как у вас там дела?
- Заливает, ваше благородие. Лейтенанта убило, мичмана тоже. Так что я здесь старший.

– Слушай меня, стоп правая, левая – вперед. Давай потихоньку.

Внутри корабля все загудело, миноносец дернулся, и потихоньку стал выходить из крена. В этот момент на баке рвануло, Декапье отбросило в сторону. Чурова стукнуло головой о переборку. По его виску потекла кровь.

– Черт! – На баке зависло белое едкое облако. – Шимоза! Черти, попали! – Поднявшись, Декапье посмотрел на японский миноносец прямо по курсу. – Эй, в машинном, как слышите меня?

– Слышим, слышим... черти... Вода всюду. У вас там как рвануло, так мы здесь все и перекрестились.

– Вот что, видать пришло наше время. Давай обе машины полный вперед. И не подкачай там, слышишь?

Внизу замолчали. Потом, словно из далека, пришло:

– Помирать будем?

– Да. – Прошептал Декапье в трубку.

Машины загудели, и миноносец пополз, набирая ход, прямо на японский корабль. Декапье бросился к баку. Орудие все разворотило. Повсюду разбросаны куски металла, покрытые дьявольской смесью копоти и крови. В этом месиве лежал мичман. Его губы что-то шептали. Каперанг наклонился к мичману.

– Орудие... сукины дети... заряжай... – расслышал он.

Клод Декапье поднял лицо к небу. Потом посмотрел на японский корабль, и поднялся во весь рост.

Очередной снаряд угодил в артиллерийские погреба. Корабль вздрогнул, словно живое существо, и огромной черной впадиной с корявыми металлическими краями, образовавшейся там, где был форштевень, стал зарываться в воду. Воздух с шипением вырывался из всех дыр и пробоев.

За секунду до взрыва увидел каперанг в черных сгустках дыма образ своей жены и сына, а после, переведя взгляд на японский корабль, в бессильной ярости и злобе успел выкрикнуть самые бранные слова в своей жизни.

Когда корма русского корабля скрылась под водой, с японского миноносца из главного калибра прозвучал выстрел в небо...

(Адмирал Небогатов в ходе этого сражения САМ сдал четыре корабля в плен японцам).

* * *

Осень в Маньчжурии напоминает осень в Сибири, правда без знаменитых сибирских морозов, которые начинаются задолго до зимы. Та же тайга, обступившая многочисленные сопки, то же низкое свинцовое небо, проливные дожди вперемешку со снегом...

Четыре орудия, находящиеся в подчинении капитана Каретникова Павла Савельевича, занимали выгодную позицию на сопке, что позволяло вести обстрел небольшой долины. Тайга не тронула ее, остановившись как бы в немом изумлении перед открытым пространством между двумя рядами сопки. Этот проход не являлся направлением главного удара японских сил. Но кто-то в штабе мудро рассудил обеспечить здесь огневое прикрытие, дабы японцы не могли взять русские войска с флангов. Под проливным дождем Каретников не раз благодарил этого неведомого ему офицера, ибо с начала сражения японцы трижды пытались пройти долиной маленькими отрядами, при поддержке всего одного орудия. И каждый раз их останавливала огнем батарея Каретникова. Почему японцы посылали сюда небольшие отряды вместо быстрого и масштабного прорыва, Каретников не задумывался.

Он не имел ни малейшего представления и о том, как идет сражение главных сил. До его слуха долетал грохот разрывов и оружейных выстрелов, но понять, что же конкретно происходит, он не мог. Связь отсутствовала вторые сутки.

– Не жалей снарядов, не жалей! Чай, не картошку на базаре за бесценок отдаете! Врага бьем!

Четвертая попытка японцев окончилась, как и первые три неудачей.

К Каретникову подскочил унтер-офицер Велихов. Голова его была перевязана грязным от просочившейся крови бинтом. Тридцать минут назад японская пуля сбила с него фуражку, навсегда оставив на лбу шрам. Солдаты у орудия кое-как наложили повязку, и он снова был в строю.

Каретников вглядывался сквозь оптику немецкого бинокля на отходящий отряд врага.

– Павел Савельевич, дорогой вы мой, ведь они отступают!

– Да, и это означает лишь одно. Сражение выиграно. Не нашего же обстрела они испугались, хотя трижды так было.

– Не упустить бы сейчас случая. – Велихов был в азарте боя. – Да как дать бы им вдогонку. Эх, кавалерией бы их...

– Успокойтесь, голубчик. Отбили натиск, и на том спасибо. Передайте солдатам благодарность, да пусть снаряды пересчитают. Не ровен час, вернутся...

Солдаты дело свое знали. Коли сражение, так воюем. Коли затишье, так своими делами занимаемся. Где-то уже чай поспел, потянулся дымок самокруток.

Каретников, вслед за Велиховым, сам побывал возле каждого орудия. Взрывы японских снарядов перепахали сопку, обнажив песчаную почву, щедро поливаемую дождем. Воронки приходилось обходить. На дне этих ям скапливалась вода, мутно-желтая от песка и грязи. И капитан невольно удивлялся, как его солдаты в этом хаосе умудрялись подносить снаряды к орудиям так скоро.

– Молодцы, молодцы, хорошо сейчас били. Эй, солдат, милок, почисть затворную раму... И вы молодцы! Видел, как ваше орудие било, без перебоя. Кстати, где командир орудия? Убит?! Кто за старшего, вы?... Ну, ничего, обойдется...

Война учит любую минуту заполнять осмысленным действием. Выдалось затишье, так и радуйся жизни. Кто устал, тот спал. Кто был голоден, ел. Лишь в лазарете ни на минуту не останавливается работа.

Около лазарета подвизалось несколько бездомных псов, прибившихся к армии на маршах. Старый фельдшер ворчал:

– Тьфу, волчье племя, что, кровью пахнет?! Тьфу, отродье бесовское... Кровь... А как же без этого? Война, она сука мокрая, кровью льет, как небо дождем... Пошли вон, твари безмозглые! Чего хотите, человечины? А ну, проваливай, пока палкой по хребтине не попало!

Псы не спешили. Они знали, куда несут хоронить отрезанные человеческие конечности. Потому на слова фельдшера лишь злобно скалили клыки и ворчали. Кончилось тем, что начальник лазарета потребовал у штаба двадцать солдат для отстрела собак, не то, глядишь, псы и на людей станут кидаться. Какую псину и пристрелили, но большая часть собак убежала. По ночам солдаты слышали вой и ворчание обезумевшей от голода стаи. Несколько дней спустя вой сошел на нет. Маньчжуры, чьи селения сгорели в адской топке войны, лишившись крова и еды, истребили всех псов. Пока псы околачивались около лазарета, люди сдерживали свои инстинкты. Русские солдаты делились, чем могли, с целой армией обездоленных, что волею судеб оказались в районах сражений. Но всех не накормишь. Вой псов затих...

* * *

Офицер лихо спрыгнул с лошади. В нем чувствовалась выучка и близость к штабу. Каретников не любил таких. От таких удалцов жди всегда высоких слов и умных речей, а конкретно по делу сказать-то и не умеют. Такие всегда при штабе находят место. Гляди-ка, форма совсем чистая, словно и боя не было. Это конечно хорошо, что офицер за собой следит. А как по сторонам озирается, видать не знает, чем солдаты сегодня живут. А живут они, между прочим, такими мыслями: почему так воюем, почему не всегда обед есть, а генерал нежится в пуховых перинах?

Подойдя к Каретникову, офицер представился:

– Поручик Аскеев. Вы – капитан Каретников? – Получив утвердительный ответ, продолжил. – У меня приказ для вашей батареи. Вы находитесь чуть в стороне от главных сил...

– Чьих? – С иронией перебил его Каретников.

– Естественно наших. – С неприязнью ответил поручик. – Вам приказано подготовить батарею к снятию с позиции, и переместиться к центру.

– Наступать будем? – Лицо Каретникова посветлело.

– Приказано войскам отходить.

Павел Савельевич выругался. Поручик надменно поднял брови.

– Слышь, Вениамин Алексеевич, – обратился Каретников к Велихову, стоявшему неподалеку, – приказано готовить батарею к отходу.

– Как же так?!

– Не знал, капитан, что приказы генерала вы обсуждаете с унтер-офицером. Мы на войне. Приказы надо исполнять. – Аскеев повысил голос. – И немедленно. – Он направился к своей лошади.

Солдаты смотрели на него подозрительно.

– Это позор. – Каретников присел на ящик. Закурил. – Такой приказ я выполнить не могу. Заставить японцев отступить, и после этого приказать отход... Это как же понимать?

– Я так думаю, генерал наш спятил.

– Это ничего не меняет, – грустно заметил Каретников. – Но позицию я не сдам.

Последние слова он произнес слишком громко. Аскеев все слышал. Он запнулся. Каретников видел, как его спина напряглась. Поручик резко обернулся и почти бегом вернулся к капитану.

– За это вас под трибунал отдадут!

– Молчать! – Резко оборвал его Каретников. – Я здесь старший по званию, и я не намерен выслушивать ваше мнение. И вообще, Аскеев, – Павел Савельевич нарочно пропустил звание поручика, – вы арестованы! Велихов, примите у него оружие.

Аскеев дернулся, но его окружили солдаты. Они слышали слова своего командира.

– Вы за это ответите! – Губы Аскеева дрожали от гнева.

Он отдал оружие Велихову. Лошадь поручика уже разнуздали, и она смирно стояла за ящиками со снарядами. Аскеев уселся на один из них с видом человека, уверенного, что все эти люди еще понесут наказание за такое поведение.

– Что теперь? – Велихов смотрел на лошадь поручика.

– Не знаю. – Каретников затушил папиросу сапогом.

– Красива, чертовка! А носит на себе такого зануду.

– Это вы о ком?

– Да о лошади, господин капитан! А по поводу поручика, не кручиньтесь...

– Не о нем я думаю, Вениамин Алексеевич, а об этом идиотском приказе. Ну да бог с ним, проживем – увидим.

Еще два дня, долгих до бесконечности, полных боли утрат и смертельной усталости, батарея Каретникова сражалась с противником.

Японцы заняли позиции русских. Их главные силы устремились вслед отходящим войскам.

Павел Савельевич не знал этого. Два японских отряда атаковали его батарею. Эта долина была почему-то необходима японцам. Нельзя оставлять противника в тылу. И вновь японцы устремяются в атаку. Точными выстрелами два орудия Каретникова были уничтожены. Возле них не оказалось даже раненых, все были убиты. Снаряды подходили к концу. Павел Савельевич принял решение.

– Куда Куропаткин повел армию?

Вопрос адресовался Аскееву, распластавшемуся на земле. Его некогда чистая форма, превратилась в грязное тряпье, которое он носил на себе с чувством нескрываемой брезгли-

вости. При каждом разрыве японских снарядов он вздрагивал всем телом, проклиная Каретникова.

– Я вам ничего не скажу!

– Нет, поручик, – Каретников одним рывком поставил его на ноги, – вы мне все скажите! Иначе я пристрелю вас как человека, недостойного формы русского офицера. Мало того, в рапорте, если будет на то божья воля, и я останусь в живых, я напишу, что вы показали себя трусом!

– Не трясите меня! – Визгливо вскрикнул Аскеев. Он покраснел, и с ненавистью выкрикнул в лицо капитану: – К Мукдену отступили! И не трясите меня, я вам не мальчишка!

– Велихов! – Каретникова поручик больше не интересовал. – Берите людей и уходите! Армия отступает к Мукдену! Карты у вас есть, я уверен, вы сможете добраться.

В двухстах метрах от батареи мелькали мундиры японских солдат.

– А как же вы?

– Я взорву оставшиеся снаряды, и буду прорываться вслед за вами. Все, Вениамин Алексеевич, уходите!

Велихов и уцелевшие бойцы батареи бросились бегом, спеша в лес, вплотную обступивший северный склон сопки.

Каретников проводил их долгим взглядом.

– А мне что делать? – В голосе Аскеева звучал страх. Его лошадь была убита взрывом, он беспомощно озирался вокруг.

– Идите к черту, поручик. Мне не до вас!

Каретников собрал пару запалов, связал их остатком бинта и бросил в ящик, где лежали несколько снарядов. Очередной взрыв японского снаряда разбил еще одно орудие. Каретников инстинктивно присел. В этот момент ему на голову обрушился удар. Он завалился на бок.

В глазах Павла Савельевича полыхнуло, из ушей потекла кровь.

Аскеев с удивлением посмотрел на треснувший кусок доски от ящика в своих руках. Потом отбросил его в сторону.

– Ну нет, господин капитан. Я не хочу так просто умирать. Я молод, я жить хочу!

Он орал, не понимая, что происходит вокруг.

Когда на батарее появились японцы, Аскеев пошел им навстречу. Японский офицер с явным презрением смотрел на человека, который что-то говорил на непонятном ему языке. Нет, этот явно не имеет отношения к храброй батарее. Слишком уж замечен заискивающий тон. Подоспел переводчик.

– Кто вы?

– Поручик Аскеев.

– Вы командовали этой батареей?

– Нет, что вы, как я мог? Я вообще тут оказался случайно.

Подозрения японского офицера подтвердились. Задавая вопросы, он уже не смотрел на поручика. Его маленькие глазки с большим вниманием осматривали каждую деталь расстилавшейся перед ним панорамы.

Каретников застонал. К нему тут же бросились японцы, намереваясь добить. Их остановил гневный окрик офицера.

– Это кто?

– Капитан Каретников, командир батареи. Он не подчинился приказу главнокомандующего об отходе.

– Ваш генерал – дурак. А этот человек – храбрец. Он будет жить. Храбрый воин – уважаемый человек.

Японский офицер что-то приказал. Солдаты бережно подняли Каретникова.

– Это я его так, иначе он бы здесь все взорвал, – сказал Аскеев.

Японский офицер посмотрел на поручика. Было что-то такое во взгляде офицера, что Аскееву захотелось оказаться за тысячу верст отсюда.

– Вы трус, – перевел переводчик.

Аскеев надулся. Он сдал им батарею, а они считают его трусом!

– Я вам больше ничего не скажу!

– Не надо. – Переводчик переводил без эмоций. – Мы знаем, что ваша армия отступила к Мукдену под натиском наших славных войск.

Итог русско-японской войны будет подведен на западе, при посредничестве США и под нажимом политики шантажа французского капитала. Николай II подпишет условия мира с уже истощенной Японией!

Сдача Порт-Артура, трагедия русского флота в Цусимской битве, проигрыш сражения под Мукденом еще не означали, что Россия выдохлась в этой войне.

В 1906 году японцы, отчасти подчиняясь международным договорам, отчасти оттого, что не могли содержать такое количество пленных, отпустили русских. На родину возвращались тысячи людей, чей героизм так и остался безвестным, канув в беспамятство чиновников, затерявшись в докладных и рапортах...

* * *

Петербург встретил Павла Савельевича своей, только этому городу свойственной атмосферой ожидания дождя. Дорога из плена была долгой и нелегкой.

Плен, каким бы он ни был, всегда плен. Ностальгия, жажда свободы и горечь, горечь поражения.

Вернулся адмирал Рожественский, тяжело переживающий трагедию Цусимы. Он предстал пред трибуналом, обвиняясь в том, что его действия стали причиной гибели 2-й эскадры в Цусимском сражении. Трибунал вынес решение. Позже адмирал был оправдан. Многие офицеры прошли через подобную процедуру. Каретникова миновала чаша сия. Он иногда думал о судьбе Велихова, задавая себе вопрос – успел Вениамин Алексеевич уйти от противника, или нет? Вслед за этим вопросом в памяти появлялась фигура Аскеева, вызывая чувство отвращения и стыда. Стыдно, что среди русского офицерства еще есть такие. Интересно, если Аскеев жив, то подал ли он рапорт о неподчинении приказу главнокомандующего? Сам Павел Савельевич решил никому не говорить о поведении поручика. Может, он мертв, тогда нечего мертвого хулить. А если жив, бог ему судья.

Первым делом Каретников явился в здание главного штаба, рядом с Дворцовой площадью, где и доложил о своем прибытии. Его отправили в военное ведомство. Там он провел два томительных часа среди нескольких десятков офицеров, после чего был принят молодым полковником Раженским.

Полковник несколько секунд смотрел на Каретникова, потом пригласил его сесть.

– Из плена?

– Так точно, господин полковник.

Раженский задумчиво листал какие-то бумаги на столе, потом вдруг резко отложил их в сторону.

– Знаете, мой родной брат тоже был под Мукденом. – Заметив сочувствие во взгляде Каретникова, он покачал головой. – Нет, нет, он, слава богу, жив... Вот что, господин капитан, давайте оставим в стороне все эти армейские условности и поговорим просто по душам. Мы знаем о вашем поведении в бою при Ляояне. Рапорт поручика Аскеева нашел должное понимание среди некоторых офицеров министерства. И должен вам сказать, – Павел Савельевич весь напрягся. – Оценка поручика не делает вам чести.

Полковник закурил, предложил Каретникову.

– Но мне, – Раженский встал из-за стола, прошелся по кабинету, – честно говоря, плевать на его оценку. Если бы побольше таких офицеров, как вы, то мы бы... – Он не договорил. Каретников молча смотрел на спину полковника, уставившегося в окно. Полковник резко обернулся. – К награде вас не представят. – Резко и сухо заметил он. – Неподчинение приказу, и все такое... Вы меня понимаете?

Каретников кивнул.

– Как пролегал ваш путь?

– Через Харбин. Потом добрался до Хабаровска.

Полковник сделал коротенькую запись, потом бросил карандаш и, глядя куда-то мимо Каретникова, сказал:

– Много таких как вы, господин капитан, прошло через этот кабинет. Разные люди, разные судьбы. Но почти у всех в словах звучала горечь и обида. Часом, вы не обижены?

– Нет. – Голос Каретникова был тверд.

– Понимаю. Офицер.

– Русский офицер, – поправил Каретников.

– Как видите свою дальнейшую судьбу?

– Только в армии.

– Вот и отлично. У вас есть три дня, отдыхайте. Потом явитесь ко мне. Не смею вас больше задерживать, господин капитан.

Покинув военное ведомство, Каретников направился к набережной Фонтанки, в дом номер восемь. После второго звонка дверь открыла горничная. Она проводила Каретникова в гостиную, приняв у него шинель.

– Барышня сейчас спустится. – Сообщила она с легким французским акцентом и скрылась за дверью.

Павел Савельевич принялся разглядывать картины на стенах. Через несколько минут дверь открылась. Каретников резко обернулся. В дверях застыла молодая женщина лет двадцати с небольшим.

– Это... вы? – Ее лицо побледнело.

Каретников сделал шаг навстречу.

– Анастасия...

– Боже это вы! Живы! Папа, папенька, иди скорее сюда! Павел Савельевич вернулся. Да что же вы стоите, садитесь, прошу вас. Мари... – Она смотрела только на Каретникова. – Мари, да где же ты?

Лицо горничной показалось за ее плечом. Анастасия обернулась.

– А, вот ты где! Будь любезна, накрой стол. Вы ведь не откажитесь с нами пообедать, Павел Савельевич?

– Не откажусь. Но...

– Папа, ну где же ты?!

Анастасия заметалась по гостиной. Каретников ее остановил. Он взял в свою ладонь ее бледную кисть и поднес к губам. В следующую секунду Анастасия упала в обморок. Каретников бережно положил ее на кушетку. Дверь, ведущая из гостиной в кабинет, с шумом распахнулась.

– Анастасия, почему такой шум? – Хозяин дома, Михель фон Ботлер, в домашнем халате на миг застыл, а потом бросился к Каретникову и сжал его в своих объятиях. – Павел, голубчик вы мой! Да как же это так? Вот господь явил радость сердцу. Живой! А что с Настей?

– В обмороке, господин барон.

– Павел, Павел, не называйте меня бароном. Я для вас всегда был просто Михаилом Францевичем. Мари! – Его зычный бас заставил вздрогнуть капитана. – Мари, приведи барыню в порядок!

Полчаса спустя суматоха, вызванная появлением Каретникова, улеглась. Они отобедали, и, покинув столовую, вновь оказались в гостиной, куда Мари подала кофе. Глаза Анастасии сверкали. Она то смеялась, шутила, то вдруг задумчиво смотрела куда-то вдаль, слушая рассказ Каретникова. Она была переполнена гордостью за этого мужчину. За его скупыми словами Анастасия живо представляла себе события, о которых он говорил. Вот его батарея ведет огонь по врагу. Как он, наверное, был красив в этот момент. Русский офицер, защищавший интересы отчизны! Что может быть великолепнее, чем любимый мужчина в клубах дыма, среди рвущихся снарядов! А вот он в плену, и жалость волной захватывает сердце. Боже, как он страдал. И горечь поражения болью тупой ноет в груди...

Но все позади. Вот он, живой и невредимый. Радость, спокойная и широкая как море, заливают ее, она купается в ней, зная, это теперь навсегда.

Каретников допоздна задержался в доме барона. А через день, с благословения отца, Анастасия Ботлер была обвенчана с Павлом Савельевичем в Исаакиевском соборе.

Неделю спустя молодые супруги покинули Петербург, спеша к месту дальнейшей службы Каретникова, в Псковскую губернию, в небольшой городок Изборск.

Барон со слезами на глазах проводил дочь до поезда.

Возвращаясь домой, он думал лишь о дочери, радуясь ее счастью. Фон Ботлер верил, что с Каретниковым Анастасия пройдет по жизни легко и радостно.

Не догадывался барон Михель фон Ботлер, обрусевший прусак, потомок немцев, пришедших в Россию, вняв предложению самой Екатерины II, что ждут Россию великие потрясения, которые не оставят в стороне никого, ни простого рабочего, ни лавочника, ни барона. Что уже грядет первая мировая, а за ней и 1917, расколовший отечество на два лагеря, белый и красный...

В 1907 в семье Каретниковых родится первенец, мальчик. Назовут его Николаем. Через полгода Анастасия вернется в Петербург. Тяжести гарнизонной жизни подорвут ее здоровье. Муж сам настаит на ее отъезде в Петербург.

Павел Савельевич будет навещать семью раз в полгода.

Летом 1910 года вдова Клода Декапье продаст имение под Оренбургом и навсегда покинет Россию. Вместе с сыном она отправится во Францию еще не зная, что уже никогда ни она, ни сын ее Россию не увидят.

1914 год вскроет кризис европейской дипломатии на Балканах. В Сараево прогремит выстрел Гаврилы Прин-ципа. Наследник Австро-Венгерского престола эрцгерцог Фердинанд будет убит. Начнется первая мировая война. Австро-Венгрия объявит войну Сербии, Германия – России, Англия и Франция – Германии.

* * *

Каретников встретит войну в звании полковника. Он будет сражаться с врагом в рядах армии генерала Самсонова, умнейшего и храброго человека. Вместе с армией Самсонова Каретников разделит ее участь...

Главкомандующий двинет армию вглубь Пруссии, спеша зайти в тыл вражеских сил. С другого фланга наступление должна была вести другая русская армия. Но генерал Ренненкампф не спешил на встречу с Самсоновым. Немцы диву давались такой тактике. Ренненкампф проявлял преступную медлительность. Немцы быстро смекнули, что к чему, и армия Самсонова была окружена. Спасти ее уже было невозможно. После отчаянных сражений оставшиеся в живых небольшими группами, осколками некогда грозной армии, пробивались

из окружения. Штаб генерала Самсонова также вырвался из смертельного кольца, и с боями уходил к востоку через многочисленные топи Восточной Пруссии.

Тут-то, в этом тяжком, жутком отступлении, полковник Каретников, находясь при Самсонове, встретил человека, о котором и думать забыл. Был он теперь в звании полковника, представитель разведки штаба армии генерала Ренненкампа. Каким ветром его сюда занесло, никто не знал. На очередном привале под утро Самсонов собрал всех своих офицеров, и полковник Аскеев сделал предложение, выдвинутое, по его словам, Ренненкампом. Речь шла о сдаче в плен. Офицеры Самсонова отрицательно встретили слова Аскеева.

После совещания, когда офицеры и солдаты готовились двинуться дальше, Каретников подошел к Аскееву.

– О, и вы теперь полковник! – Глаза Аскеева блеснули ненавистью. – Поздравляю!

– Не с чем. Вы, я вижу, тоже карьеру сделали.

– А как же, не все вам, полевым офицерам, чины хватать.

– Я чины не хватал. За заслуги звание получил. А вы ничуть не изменились. Все такая же мразь и сволочь!

Улыбка сползла с лица Аскеева.

– Будьте осторожны со словами, господин полковник! Нынче мы с вами в одном звании, и вы не смеее со мною так разговаривать!

– Смею, еще как смею! Вы помните, как сдали мою батарею в плен?

– Я вам жизнь спас!

– Вы трус и подлец!

Лицо Аскеева побледнело. Ссору слышали несколько офицеров. При последних словах Каретникова они подошли поближе.

«Не будь их, – думал Аскеев, – я рожу твою нагайкою стеганул бы! Чтоб кровью умылся, тварь! А эти-то, и рады, небось».

Он посмотрел на офицеров. Ситуация требовала от него немедленного решения. Офицеры ждали ответа. Он должен ответить, иначе слова Каретникова пойдут гулять по войскам.

Каретников невозмутимо смотрел на Аскеева.

– Я к вашим услугам, – с ненавистью выдавил Аскеев.

Каретников кивнул головой.

– Эти офицеры составят нам компанию. Не возражаете?

Два офицера сделали шаг вперед, приняв приглашение Каретникова. Вчетвером они направились в глубь леса.

Случись ситуация в другое время и в другом месте, нашлись бы люди, настоявшие на отмене такого решения вопроса. Но офицерская честь – не мундир. Ее не снимешь и не почишь щеткой. Это понимали все присутствующие.

Найдя подходящую поляну, остановились, Каретников закурил. Все хранили молчание, понимая бесполезность слов.

Утренняя сырость туманом лежала на поляне. Была середина августа, но осень уже чувствовалась внезапной прохладой.

Офицеры, исполнявшие роль секундентов, зарядили по одному патрону в каждый пистолет. Решено было поставить барьеры на расстоянии двадцати шагов. Кинули жребий. Стрелять первым предстояло Аскееву. Он сразу повеселел. Даже стал насвистывать какую-то мелодию. Лицо Каретникова ничего не выражало, кроме усталости.

– Господа! – Один из секундентов посмотрел на часы. – Не стоит больше откладывать. Сходитесь!

Каретников и Аскеев подошли к барьерам. Аскеев встал полубоком. Его правая рука медленно поднялась до уровня лица. Он прицелился. Каретников также встал полубоком. Его глаза цепко следили за револьвером Аскеева. Он понимал ничтожность надежды на про-

мах, но на судьбу не роптал. Его челюсти сжались. Он весь напрягся в ожидании выстрела, зная, что как бы сейчас не случилось, честь его не пострадает. Лишь на секунду в глазах промелькнуло сожаление. Трудно будет Анастасии...

Грянул выстрел. Каретников покачнулся, но устоял. Пуля попала в правое плечо. Секунданты бросились было к нему, но он остановил их жестом. Поднял револьвер и увидел лицо Аскеева. В первый момент Аскеев был уверен, что Каретников упадет. Когда увидел, что ошибся, лицо его стало земляного цвета.

Каретников видел, Аскеев пытается что-то сказать. Но ничего не слышал, медленно прицеливаясь. А Аскеев кричал! Кричал от ужаса и страха, цепляясь за свою жизнь.

Секунданты, видя такой позор, отвернулись.

Аскеев сделал два шага назад. Павел Савельевич нажал на курок. Рука дернулась от отдачи. Каретников закрыл глаза, а когда открыл, увидел, как тело Аскеева медленно оседает на землю. Его лицо было перекошено от боли. Потом его сотрясли конвульсии, и он умер. Пуля Каретникова попала в горло. Один из секундантов подбежал к Каретникову, помог ему сесть на землю. Другой подошел к Аскееву, закрыл ему глаза и накрыл тело рваной шинелью. Рана Каретникова была перевязана.

Через два дня немецкий отряд настиг отступающих. В этом бою пал Павел Савельевич. Солдаты смогли унести его тело, не оставив врагу. На теле полковника насчитали шесть пулевых ранений, не считая той, что оставила пуля Аскеева...

Те, кто остался в живых, пробились к своим. Но с ними уже не было генерала Самсонова. Не выдержав позора отступления, он на одном из привалов ушел в лес и застрелился. Честь многих русских офицеров не могла смириться с неудачами, причина которых была заложена в чванстве, амбициозности, равнодушии к лести и деньгам, что всегда находили приют в слабых душах людских...

Глава 2

18 августа 1918 года из Севастополя вышло в море небольшое судно. Оно держало курс в румынскую Констанцу, имея на борту всего семь пассажиров. Два протяжных гудка легли на беспокойное море, отозвавшись печалью и грустью в сердцах немногочисленных провожающих.

– Господин полковник, пора.

Петр Андреевич Раженский, заместитель коменданта города, украдкой вытер глаза и посмотрел на адъютанта. Потом вновь взглянул вслед уходившему кораблю.

– Вы правы, поручик, нам действительно пора.

Они направились к машине, стоявшей в тридцати метрах от пирса. Открыв дверцу автомобиля, полковник отдал приказ шоферу:

– В штаб.

Говорить Петру Андреевичу не хотелось. Он избегал вопросительного взгляда адъютанта и думал лишь о детях.

Не успев насладиться общением с ними после полугодовой разлуки, полковник был вынужден снова с ними расстаться. Как военный человек он понимал необходимость отъезда детей. Но это понимание было прямо противоположно его желанию. Разум взял верх над чувствами.

Ящик великолепного портвейна «Ливадия» и перстень деда оказались убедительными аргументами в разговоре с капитаном, и его дети были устроены в лучших каютах корабля. Капитан, старый грек, лишь посмеивался над такой расточительностью русского полковника. Он согласился бы и за треть цены перстня.

Не многие офицеры гарнизона смогли понять поступок полковника. Адъютант, поручик Юрий Солов, вообще не догадывался о причинах столь странного поведения Петра Андреевича. Зачем полковнику удалять от себя и России своих детей? Война?! Это не причина, думал поручик. Время великих потрясений должно рождать величие человеческих поступков, но никак не будить их слабости. Юношеский максимализм Солова не позволял ему увидеть очевидных вещей. Нет ничего героического в войне против собственного народа. Но поручик не вдавался в подробности этого вопроса. Приказ есть приказ. И сейчас его заботил лишь сегодняшний вечер. Предмет его обожания, первая актриса местного театра мадам Соровская наконец-то соизволила удостоить его своим вниманием и пригласила Юрия на ужин...

Через год тысячные толпы будут осаждать порты и причалы Севастополя, Феодосии, Одессы... Гражданская война превратит Крым в гигантский котел, в котором давление людских масс превысит критическую норму. По земле древней Тавриды потянутся многочисленные обозы. Конское ржание, ругань солдат и офицеров перемешаются с причитанием отчаявшихся людей. Все они будут спешить к морю, в нем одном видя возможное спасение от войны. Смятение и страх последних дней в России многие будут вспоминать всю свою жизнь.

* * *

Когда грядут перемены, нередко облаченные в кровавые одежды, мало у кого хватит терпения и спокойствия сидеть и ничего не делать, отрешенно созерцая происходящее. Кто-то примет новое, а кто-то, восстав против него, вынужден будет начать борьбу. Такое противоречие заложено в любых революциях, переворотах и кровавых междоусобицах. В чьих-то душах навсегда поселится страх. Кто-то от безысходности, от того, что рушится весь при-

вычный старый мир, а в новом нет места, пустит пулю в лоб. В сердцах третьих навсегда разгорится адское пламя ненависти и злобы, и оно будет сжигать их души, доводя до безумства.

Полковник Раженский предпочтет оказаться в числе вторых. Все произойдет буднично, в номере гостиницы на втором этаже.

Побрившись с утра и надев парадный китель, Петр Андреевич спустится вниз, отдаст два письма портье и, поднявшись в свой номер, навсегда закроет за собою дверь.

Курок надо нажимать медленно, – думал полковник, а взгляд его скользил с одного предмета на другой. Стол. Тумбочка. На ней ваза с увядшими цветами. Увядшие цветы – увядшая жизнь. Нет, жизнь не увяла! Есть это серое небо в окне, запах моря. Жизнь не увяла, она просто... просто в ней всякое случается.

Да, курок надо нажимать медленно. Тогда рука не ощутит отдачу. И маленькая свинцовая неотвратимость пробьет черный тоннель во вселенной, имя которой разум. Сквозь эту черную дыру уйдут все понятия и определения, время, пространство, чувства и надежды. А главное – мука, с которой невозможно бороться, невыносимая мука за свое отечество.

В последний раз он взглянет на фото своих детей и мимолетная слабость заставит дрогнуть руку. Он улыбнется и... нажмет курок. На выстрел никто не прибежит...

А поручик Солов в каюте второго класса на корабле, идущего в Турцию, разольет вино и, подав бокал Анне Сергеевне Соровской, провозгласит тост за новую жизнь.

(В 1918 году Микель Ботлер будет уличен в связях с белыми. Его обвинят в укрывательстве двух офицеров царской армии и расстреляют.)

* * *

Констанца, 1918 год.

По прибытии корабля в Констанцу дети Петра Андреевича устроились в небольшой гостинице на окраине города.

Ольга, самая младшая в семье, первым делом распахнула окна в своем номере. Открывшийся вид поразил ее. Небо, серое небо как в Севастополе, и море, затянутое предвечерней дымкой. Пока братья раскладывали ее багаж, она полной грудью вдыхала свежесть вечернего бриза.

– Как жаль, что мы оставили отца.

Ее голос дрогнул, и она отпрянула от окна.

Антон, старший брат, возмужавший за последнюю неделю лет на десять, обнял ее за плечи.

– Не волнуйся. Видимо у отца были веские причины отправить нас из России. Ты сама прекрасно видела, что там творится.

– Путь из Москвы в Севастополь показался мне кошмарным. – Ольга вздрогнула, словно увидела себя в общем вагоне, среди солдат, в табачном дыму.

– Я не теряю надежду увидеть отца. – Антон взглянул на Сергея и взглядом попросил его добавить что-нибудь к сказанному, чтобы успокоить сестру.

Сергей, засунув чемодан под кровать, подошел к ним.

– Я тоже не теряю.

Ольга улыбнулась.

– Сейчас нам важнее всего решить, что же делать дальше. – Начал за ужином разговор Антон. – Как я уже говорил, отец перед отъездом дал мне три письма. Он просил прочитать их только здесь, в Констанце. Пора это сделать.

Он достал из кармана три конверта, на каждом из которых было написано по одному имени...

Прошла неделя. Спор о том, что же делать не утихал. В письме каждому из них отец советовал, как поступить на чужбине. Но дети есть дети.

Антон звал всех в Англию.

– Имея на руках рекомендации, – он говорил о двух сложенных пополам листках бумаги, найденных им в своем конверте, – я смогу устроиться в «Саутенд Сити Банк». Мы вложим наши деньги в актив банка, как советует отец...

– И что дальше? – Скептически возражал Сергей. – Наслаждаться жизнью, ничего при этом не делая?

Сергею не нравилась перспектива поездки в Англию. Тем более не хотелось обустриваться там навсегда. Из адресованного ему письма он узнал, что отец перевел в «Саутенд Сити Банк» основной капитал семьи. Часть его, а именно одну треть он распределил поровну на счетах своих детей. Суммы были довольно большие, что позволяло, как надеялся Петр Андреевич, каждому из них вести жизнь, независимую от остальных. Общий же капитал он советовал, как сказал Антон, вложить в актив банка. Деньги Петр Андреевич перевел одиннадцать лет назад. Сергей смутно помнил то время, он тогда был еще совсем ребенком. Но продажа имения все же запала в память мальчика. Что побудило тогда поступить отца именно так, он не знал. Болезнь ли матери, резкий ли взлет карьеры отца, – какая теперь разница? Он просто радовался, что семья переехала жить в столицу. Отец получил должность командира кавалерийского полка. Ах, какое это было время! Особенности гарнизонной службы вынуждали отца подолгу отсутствовать, но какие это были праздники, когда он приезжал! Как он баловал детей, вызывая улыбку на лице мамы. Целую неделю в доме царила суматоха! Отец то играл в шахматы со своим братом, тоже военным, состоящим на службе при генеральном штабе, то с мамой, несмотря на ее ухудшающееся здоровье, они ходили в театр на премьеры. А по вечерам какие они устраивали ужины! На эти ужины собирались все родные и близкие... А потом были разговоры, разговоры, разговоры. За всем этим видимым счастьем они, дети Петра Раженского, не замечали, что все чаще отец хмурит лоб.

– Я в Англию не хочу. У каждого из нас есть часть денег, и каждый вправе распорядиться ими по-своему, – заявил Сергей.

Точку в споре поставила Ольга.

– Ну как вы можете! Вы же братья! – Пристыдила она их.

На том все и кончилось.

По прошествии месяца каждый утвердился в своем мнении. Антон решил ехать в Англию. Сергей и Ольга оставались в Констанце еще на месяц. Столько требовалось Антону на то, чтобы добраться до Лондона, где располагался административный центр «Саутенд Банка». Устроившись, Антон должен был перевести часть денег сестры и брата в Констанцу.

Сергей и Ольга решили посвятить два года путешествию по Европе. Это не нравилось Антону.

– Ни к чему тратить все. Эти деньги – фундамент нашей будущей жизни. Никто не может сказать точно, когда мы вернемся в Россию. И вернемся ли вообще. Не плачь, Ольга. Отец знал, что делает. Если бы у России было будущее, он бы никогда не отправил нас. Нам нет там места. Я уверен, отец думал так же. К тому же, он сам скоро присоединится к нам. Он же сказал: «год-два, и мы будем вместе».

Антон не верил в свои слова.

Он знал отца как никто из них. Старший среди детей, он всегда был опорой и надеждой отца, тот сам не раз так говорил и поверял Антону многое из того, что не смел сказать Сергею и Ольге.

Отец никогда не покинет Россию, это было написано у него в глазах там, на пирсе Севастополя. Не покинет отчизны, найдет в себе силы принять все, что уготовано ему судьбой. Быть может позже, если когда-нибудь они сами решат вернуться, то отец встретит их. В это стоит верить. Иначе, зачем жить?

Когда Антон уезжал, простились холодно.словно чужие друг другу, они молчали на вокзале. Братья курили, Ольга куталась в оренбургскую шаль, единственную вещь мамы, с которой она никогда не расставалась.

Подали поезд. Братья пожали друг другу руки. Антон поцеловал Ольгу и поднялся в вагон. На подножке обернулся:

– Береги ее. И... пишите!

* * *

Англия, 1920 год.

– Вы молоды, но, несмотря на это, я поддержал вашу кандидатуру на совете директоров. Не спешите благодарить. Я сделал это не только из личных симпатий. Я очень хорошо знал вашего отца, но в данном случае это не имеет значения. Решающим фактором оказался ваш профессионализм. Кстати, вы не имеете от отца каких-нибудь известий?

– Нет, сэр. За два года, что я работаю у вас в банке, я ничего не слышал об отце.

Ричард Говард, глава «Саутенд Сити Банк», исподлобья взглянул на Антона. Его мысли были заняты обдумыванием решения. Он верил, что поступил правильно, поддержав Раженского. За свою долгую жизнь он научился разбираться в людях. Необходимость, без которой невозможно управлять делами банка. Очень строгая и придирчивая кадровая политика была одной из составляющих доверия клиентов, и не было в банке человека, который понимал это лучше Говарда. Потому и настоял он на утверждении Раженского в должности управляющего отделом внешних (зарубежных) операций. Решение встретило резкую критику в совете директоров. Антон Раженский проработал в банке два года, это не срок для такого повышения, тем более что банк являлся семейным бизнесом Говардов. Но личный авторитет Ричарда перевесил в споре. Дело тут было не только в личных симпатиях, как сказал сам Говард. Банк переживал непростое время. И деньги семьи Раженских, которые Антон предложил включить в актив банка, оказались кстати. Сумма была равна одной десятой уставного фонда, но, как здраво рассудил Говард, это все же было золото. Не какие-то там бумажки, а настоящие драгоценности, которые всегда можно было обналичить и перевести в любую валюту. Отец этого юноши знал что делает, думал Говард. Да еще и проблема Алисы...

Говард закурил и отвел взгляд от лица Антона.

– Вернемся к нашим делам. Образование у вас подходящее. С завтрашнего дня вы вступаете в свою новую должность. Надеюсь, на новом месте вы проявите все свое умение. Мартин введет вас в курс дела.

По дороге из Лондона Антон сделал небольшую остановку в Базилдоне, купил газет и роскошный букет роз.

От Базилдона до Саутенд-он-Си, где он снимал уютный домик с видом на Темзу, Антон ехал не особо торопясь, и каждый поворот казался ему бесконечным. Но он не спешил.

Разговор с президентом не шел у него из головы. Карьера набирала скорость. Новое назначение было большой удачей. Но почему Говард спросил об отце? Ему что-то известно? За два года, проведенных в Англии, Антон не получил из России ни одной весточки. От Сергея с Ольгой тоже не было никаких вестей. Если они знали, где он, то Антон понятия не имел, где они. Путешествуют по Европе! Европа большая.

Поставив машину в гараж, Антон не успел сделать и пяти шагов, как его окликнули. Он тут же вырвал из букета розу, а сам букет спрятал за спину.

– Вы зря прячете розы, Энтони. – Моли Дортфал не могла смириться с русским произношением имени своего постояльца и потому звала его на английский манер. Хозяйка дома, она за два года привыкла к молодому человеку из России и, не имея родственников, стала относиться к нему с несколько родственными чувствами: позволяла себе докучать ему своими нотациями, а он относился к этому с юмором. – Я отсюда вижу, что они прекрасны.

– Вы правы. – Антон рассмеялся. – И вот вам одна из них.

– Ах, время, время, – вздохнула Моли, принимая цветок. – Оно слишком быстро бежит. Известно ли вам, молодым, это? Когда-то мне дарили целые букеты, а не прятали их за спину, вот что значит ушедшее время. Надеюсь, цветы для мисс Алисы?

– Вы как всегда проникательны.

– Она была тут несколько часов назад. Я угостила ее чаем, и мы мило поболтали минут пятнадцать. Потом она уехала.

– О чем же вы говорили, миссис Моли? Неужели опять о политике?

– Бог с вами, Энтони! Как можно говорить с молоденькой девушкой о политике? Это с вами я могу обсуждать проблемы нашего кабинета. – При этих словах щеки ее надулись, и она изобразила как, по ее мнению, выглядят все министры. – А с мисс Алисой мы говорили, как это ни странно, о вас.

– Надеюсь, вы не обсуждали мой ужасный характер? – Антон улыбнулся и взял миссис Дортфал под руку. – И вы ничего ей не сказали о том, как в прошлом году я погубил все ваши мимозы, полив их водой, настоящей на табаке?

Они направились к дому.

– Нет, мы обсуждали не ваши поступки. Мы говорили о вашей карьере. – Моли хитро взглянула на Антона. – Энтони, почему вы скрыли от меня, что едете в Лондон за повышением? Я бы приготовила роскошный ужин.

– Дело в том, что я и сам не знал об этом. А кто вам сказал, неужели Алиса? Интересно. Откуда она знает?

Антон открыл дверь, и миссис Дортфал вошла в дом. Он последовал за ней.

– Она оставила вам записку там, на комод. И еще просила напомнить, что завтра ждет вас к ужину...

* * *

Через два часа после ухода Антона, Ричард Говард заканчивал разговор с управляющим Мартином Ренингом.

Ренинг внимательно слушал все указания президента. Если что-то его и удивило в факте назначения Раженского, то он и виду не подал. Молодой русский блестяще делает карьеру. Что тут скажешь? Можно лишь позавидовать. Если бы в свое время у Ренинга также складывалась карьера, то кем бы он был сейчас, может, входил бы в совет директоров?! Кто знает. Но вот что интересно: Раженский получил должность, которую надеялся получить племянник Говарда, Роберт Дейн. Что скажет теперь Дейн? Впрочем, это проблема Говарда и ... Раженского.

Когда Ренинг ушел, Говард приказал принести почту. Просматривая газеты, он никак не мог отделаться от мысли, что не совсем честно поступил с Антоном. В конце концов, он отбросил газеты в сторону, попросил секретаршу подать крепкий чай и достал из письменного стола два конверта. Один из них был вскрыт.

«Дорогой Ричард, – почерк Петра Андреевича Раженского был как всегда тверд и четок. Английским он владел в совершенстве, и читай его письмо кто-нибудь другой, не знавший, что письмо от русского, то вполне мог бы подумать, что держит в руках письмо

человека из Шеффилда или Бирмингема. – Доверяя тебе заботу о моих детях, я вполне осознавал, о какой услуге прошу тебя. Я также знаю, что ни наша многолетняя дружба, ни наши деловые контакты не позволяют мне надеяться на то, что такая услуга будет оказана. Слишком велика ответственность, которую я вынужден переложить на твои плечи. Но я все же решился просить тебя.

Почти год как я отправил детей из России. Я сделал это, будучи в твердой уверенности, что больше никогда их не увижу. Таковы обстоятельства в моей стране, и с каждым днем они все более неблагоприятны. Но сердце отца не позволяет мне забывать о судьбе детей. Сейчас мой долг перед отчизной и присягой о верности царю требует от меня совершить поступок, который оставит незапятнанной мою честь. Я прошу тебя, как только получишь эти письма, сообщи моим детям о моей смерти. Знаю, прошу о многом, но сделай это. Тебе не надо ничего им говорить. Лишь передай им второй конверт.

Надеюсь, Антон оправдал мои ожидания и не подвел тебя.

С уважением, Раженский.»

Перечитав письмо в третий раз, Говард все еще не мог решить, что же делать. Взять на себя заботу о детях Петра Андреевича он не мог. Лишь устроить карьеру Антона ему оказалось под силу. Впрочем, надо отдать должное и самому Антону. Он проявил удивительные качества и способности в банковском деле. А его дипломатические способности, замеченные Говардом, наряду с семейным капиталом, и были той ступенькой в его карьере. Но это один из троих. Что делать с остальными? Где они?

Повертев в руках второй конверт, Говард наконец пришел к определенному решению. Он тут же вызвал секретаршу.

– Отправь немедленно в Саутенд-он-Си, новому управляющему отделом внешних операций.

Он протянул ей запечатанный конверт.

– Вызови ко мне на завтра к одиннадцати часам Роберта Дейна. – Добавил он, когда секретарша была уже в дверях...

* * *

Из полудремы миссис Дортфал вывел звонок в дверь. Она поднялась с кресла, оправила юбку и направилась к дверям.

– Энтони? Почему так рано? – Вырвалось у нее непроизвольно. – Надеюсь, мисс Алиса не выгнала вас из дому?

– Ну что вы, конечно, нет.

Антон вошел в дом, снял пиджак и протянул его хозяйке.

– Тогда в чем дело? – Не унималась Моли. – Мне ужасно интересно все, что происходит у вас с мисс Алисой.

– Это уже слишком! – Воскликнул Антон. – Однако, так и быть, я скажу вам. Я сделал предложение Алисе.

– Я так и знала!

– От вас ничего нельзя скрыть.

– Что она вам ответила?

– Я вам скажу, но только после чашки горячего чая.

– О, простите, я сию минуту. – И миссис Дортфал умчалась на кухню.

Когда стол был накрыт и Антон принялся за ужин, она вновь задала вопрос.

– У вас превосходно получаются пироги. – Антон вытер салфеткой рот.

– Ах вы, хитрец! А ну, отвечайте, иначе больше не получите.

– Это выше моих сил! Алиса ответила согласием.

Миссис Дортфал сложила руки на коленях, сцепила пальцы и вздохнула.

– Я рада за вас. – На ее глазах навернулись слезы. Она достала платок. – Но это еще ничего не значит. Последнее слово будет за ее дядей.

– Тут вы правы, – согласился Антон.

Он задумался. Видя это, миссис Дортфал спохватилась.

– Вам же письмо пришло! Ах, я старая размазня! Совсем забыла. Оно из России. Хотя на нем стоит штемпель лондонского почтамта.

– Где вы его оставили? – Волнение охватило Антона.

Моли в изумлении уставилась на него.

– Там же, где и всегда, на комод.

Антон бросился из столовой. Моли поспешила за ним. Когда она появилась из прихожей, Антон уже читал письмо. Она заметила, как вытянулось его лицо, скулы напряглись. Затем он побледнел, скомкал письмо и выбежал из дома.

С 1914 года по 1922 из России за границу ушло примерно около двух третей (2/3) золотого запаса страны. Это были деньги не только государственные, то есть царской казны, но и личные состояния многих и многих, вынужденных бежать от зарождения НОВОГО, непонятного им, и оттого внушающего страх за свое настоящее и будущее.

За короткий промежуток времени, длиною в каких-то пять лет, Россию покинуло более полутора миллионов ее бывших граждан...

За каждой единицей чья-то судьба. Здесь и откровенные враги Советской власти, и купеческий люд и проворовавшиеся чинуши, и военные, дворянство и интеллигенция. Эта огромная людская волна прокатилась по всему миру, в каждой точке его оставляя частицу себя. Мадрид, Париж, Лиссабон, Марсель, Нью-Йорк, Лондон, Прага, Берлин, Будапешт, Стамбул, Харбин... их множество, великих и малых городов мира, принявших в лоно свое осколки некогда великой державы, способной противостоять всем, кроме самой себя.

Русская речь, русская культура, русское православие стали пускать корни на чужих землях. Европа, ошарашенная таким наплывом, со страхом и уважением глядела на бесшабашные гулянки русских в ресторанах, на смелые идеи русских предпринимателей, на бесконечно великий потенциал ума русских ученых. Не все, конечно, было так красиво и благородно. Но в целом Европа и весь остальной мир получили гигантский толчок во всех областях: в науке, в производстве, культуре. Невозможно представить себе, чего лишилась новая Россия. Но сожаления об этом меркнут рядом с потенциальными возможностями русского народа. Какая бы власть не правила в стране, поразительна и удивительна способность народа в самом себе изыскивать таланты и дарования, заполняющие пустующие ниши в духовном, культурном и научном развитии...

* * *

Англия, Франция, 1921 год.

Роберт Дейн, англичанин до мозга костей, представитель кругов высшего общества, имевший за спиной три поколения оксфордских выпускников, очень хорошо сумел оценить деловую хватку Антона Раженского. И мнение о русских у него складывалось исходя именно из этого. Каково же было его разочарование, когда он приехал в Париж. За всей этой бравадой он увидел ту сторону жизни русской эмиграции, о которой не принято было говорить широко. Спившиеся полковники, обнаглевшие и хамоватые поручики, великосветские красавицы, потратившие все свои средства и вынужденные зарабатывать себе на жизнь, работая прачками, а иногда и того хуже – продавая себя... Но мнение о Раженском от этого только выигрывало. У любой медали две стороны, трезво рассуждал Роберт, когда видел неподобающее поведение какого-нибудь подвыпившего русского.

Ричард Говард четко определил цели его поездки. Оставалось только непонятным, почему он вообще решил так поступить. Отыскать Сергея и Ольгу Раженских. Зачем? Именно ему, Роберту Дейну. Зачем? Ничего не говоря Антону. Почему?

В разговоре с Мартином Ренингом по поводу назначения Раженского, Роберт не позволил себе высказать свое сожаление. Конечно, Антон может справиться с этой обязанностью. Но дело семейное! И он, Роберт, как никто другой подходит к этой должности.

Ренинг пытался повернуть разговор так, что бы Роберт почувствовал себя ущемленным. И это было его ошибкой! Недовольный решением Говарда, Роберт не стерпел от Ренинга сочувствия. Разговор закончился в резких тонах. Роберту было не приятно. А теперь еще надо разыскать брата и сестру Антона. Что это, пощечина? Или возможность отдохнуть, прокатиться по Европе?

Остановившись в небольшом отеле, не далеко от Елисейских полей, Роберт первые два дня посвятил изучению мест, где часто бывают представители русской эмиграции. Два дня, ибо столько потребовалось ему на понимание ошибочности такого подхода. Мест в Париже, где бывают русские, оказалось множество. Почти во всех театрах были ложи, занятые именитыми выходцами из России. Почти в каждом банке были счета русских клиентов. На знаменитом Парижском ипподроме не проходило и дня без посещения знатнейших русских фамилий. И, наконец, рестораны...

Там, где в хмельном угаре можно было отвлечься от горьких раздумий о судьбе отчизны и о своей собственной, русских было как нигде много. В одном из них, не очень большом и престижном, подвернулся Дейну человек, наметивший в его поисках небольшое прояснение.

Роберт как раз заказал себе ужин и уже попробовал знаменитое белое Шато-Лафон, когда его внимание привлек разговор за соседним столиком. Подвыпивший мужчина жаловался своему собеседнику на неудачные обстоятельства, сложившиеся в его отношениях с женщиной. По оценке Роберта, они оба были уже достаточно пьяны, об этом говорила пустующая бутылка из-под водки, но, несмотря на это, тот, который жаловался, заказал еще одну. То, что они русские, у Роберта не вызывало никаких сомнений.

Антон как-то попытался объяснить Роберту отличие русских в вопросе выпивки. Причины алкоголизма везде и всегда одинаковы, пристрастием к зелью в мире страдают многие. Но у русских... Все начинается довольно легко и красиво – ломтик отбивной телятины под великолепное вино или икра и горячая закуска под стопку холодной водки. Выпиваешь для того, чтобы был аппетит и чтобы оттенить вкус еды, насладиться ароматом. После же начинаешь просто закусывать. Квашеная капуста или соленые огурчики под бутылку водки. И то, и это имеют место в жизни, и тут как кому на душу легло. Но широта русской души требует и широты поступков, не признающих каких-либо ограничений...

Вот и эти двое, несмотря на количество выпитого, продолжали вполне разумно обсуждать свои проблемы.

– Вы понимаете, я же к ней со всей душой... Ну не все так сложилось, как хотелось бы, но ведь это еще не причина...

– Я вас вполне понимаю, поручик. Актрисы! Они все ветрены, уж мы-то с вами должны это знать!

– Ничего я не знаю! И как вы смеете говорить в таком тоне о мадам Соровской!

– Извините, голубчик, извините... Я хотел как лучше...

– А что может быть лучше? Вот это все?! – Поручик повел рукой вокруг. – Это?! Весь этот бордель? Да чепуха это все!.. Разве мы теперь офицеры?.. Ни родины, ни царя, ни долга...

– Успокойтесь, Юрий Михайлович, не все так уж и плохо. Мы живы, и это главное.

Солов разлил водку по фужерам.

– Живы... – повторил он. – Я иногда думаю, что уж лучше бы мне застрелиться, – он выпил водку одним глотком.

– Господь с вами, поручик! Такие мысли сейчас ни к чему. Поверьте, все образумится. Солов стукнул по столу кулаком и усмехнулся.

– Образумится?! Не смешите меня. Что вы знаете об этом? У вас была своя фабрика под Москвой, где она теперь? Что вы здесь делаете? Из первой гильдии купцов вы перешли в лавочники! – Он рассмеялся в лицо собеседнику. Тот перекрестился и выпил.

– Я не обижаюсь, поручик. От вас ушла женщина, значит, тому была причина. Вы были офицером, а теперь не чувствуете себя таковым. И это, знаете ли, объяснимо. Так что не старайтесь меня обидеть, у вас это не получится...

– Видите, мы даже обижаться разучились... Извините меня, Андрей Иванович, но... больно мне! И тоска. Как подумаю о том, что мы ТАМ оставили, так и удавиться сразу хочется. – Солов замолчал, перевел взгляд с Андрея Ивановича на пустой фужер и вздохнул. – Лишь в ней одной отрада была. А она... Эх, прав был Петр Андреевич... Нечего офицеру за актрисами волочиться!

– Петр Андреевич? Это кто же, позвольте узнать?

– Раженский. Полковник. Умнейший был человек, скажу я вам.

Вздвогнув, Роберт уронил вилку. Разговор шел на русском, но фамилию Раженский он понял отчетливо.

Через несколько минут русские покинули ресторан. Роберт подозвал официанта, быстро расплатился и поспешил вслед за ними.

Роберту не нравилось поручение Говарда. Он постоянно задавал себе вопрос: почему? Такое задание вполне подходило для полиции. Ответ Говарда был резок, но ничего не объяснял до конца.

– Это личное дело, и нам не следует привлекать к нему внимание полиции и частных детективов. Мы все должны сделать сами...

Сами, так сами, но почему?

На улице русские простились и тот, кто упомянул Раженского, поспешил к такси. Дейн догнал его.

– Простите, мистер... – Дейн говорил на английском и опасался, что русский его не поймет. Но русский понял.

– Да? В чем дело?

– Извините меня, я был за соседним столиком в ресторане и слышал, как вы назвали фамилию Раженский.

– А в чем дело? – Переспросил русский.

– Вы были знакомы с Раженским? – При этом вопросе русский наконец-то взглянул на Роберта.

– А вы кто такой?

– О, простите... Роберт Дейн, я представляю интересы «Саутенд Сити Банк».

– Поручик Солов. Юрий Михайлович, – представился русский. – Так какое вам дело до Петра Андреевича?

– Вы знали Раженского? – Повторил вопрос Дейн.

– Конечно, знал. – Разговор с Дейном раздражал Юрия Михайловича.

– Вы не могли бы сказать мне, где сейчас находятся его дети, Сергей и Ольга?

Солов пристально посмотрел на англичанина, потом достал часы, взглянул который час и со вздохом положил их обратно в карман жилетки.

– Хорошо. Видимо, сегодня я к началу опоздаю... Но ко второму акту еще успею... Не желаете составить мне компанию и посетить театр господина Дюрона?

* * *

Сергей поглядывал на большие часы в углу кафе, которое находилось на первом этаже гостиницы. Они с Ольгой уже неделю жили здесь, и сестра никак не хотела отсюда уезжать.

Поездка в Париж была не обязательна. Но Ольга настояла. Отказать сестре Сергей не мог. Их путешествие по Европе подходило к концу, осталось побывать в Мадриде, а потом... Потом Сергей хотел поехать в Юго-Восточную Азию. Ольга соглашалась с братом, но огромного интереса к этой поездке не испытывала. Она постоянно затягивала отъезд и находила для этого любые причины.

Сергей закурил. Его несколько тревожило, что сестра задержалась. Стоило ей встретиться с мадам Соровской, и она тут же решила остаться в Париже еще на три дня. Сегодня, видите ли, у Анны Сергеевны премьера! Женщины... Только они могут находить в прошлом незаметные ниточки, связывающие между собой людей и события крепче цепей.

Путешествие не принесло ожидаемого облегчения. Вся Европа оказалась наполненной русской эмиграцией. И видя, ЧТО творится с русскими за границей, Сергей все больше и больше склонялся к мысли об ошибочности отцовского решения. Да, русские сумели приспособиться, обосноваться. Немногие мечтали вернуться, а если и думали об этом, то только с позиции силы: надо победить большевиков!

Никто не хотел признавать очевидного – нет у России пути назад. Если бы Маннергейм помог Колчаку, то все могло бы быть иначе... Но Маннергейм не бросил на беспокойные чаши весов гражданской войны независимость Финляндии.

Два года, проведенные в бесконечных переездах, дали слишком много для обдумывания сложившейся ситуации, и для того, чтобы пересмотреть некоторые ценности. Было обидно, горько, тревожно и страшно. И не было того детского восторга, возникающего перед любым начинанием.

Кто мой народ? Воин? Хочется верить... Но в гордом слове «воин» всегда заложена великая тяга к смерти. А мы ее ненавидим.

Мой народ – народ мудрецов? Нет... Мудрым не нужны ищущие истину. Она в их мудрости, пусть ложная, но они в нее верят. А мы – ищем, в революциях, в гражданской войне – ищем.

Мой народ – народ рабов? Тысячу раз нет! Свобода для нас необходимость жизни...

Мой народ велик и трагичен. Есть в нем и воин, и мудрец, и, как это ни обидно, раб. Но не в силах они понять друг друга, чтобы раб стал воином, воин – мудрецом, а мудрец не рабом своей мудрости, а хозяином...

Разное движет нами.

Топим себя в собственной крови. Сжигаем на кострах самоуничтожения. Жертвенность – откровенная и пугающая – вот душа моего народа. Страшно.

Страх, всепобеждающий, жгучий как хлыст, которым стегают лошадей, заползал в такие минуты в душу Сергея. Страх не перед смертью, ибо, что такое смерть? – Ничто! Пустота! И только вера в бога наполняет эту пустоту определенным смыслом. Так чего же ее бояться? Нет, только страх перед ЖИЗНЬЮ превращает твое существование в безраздельную муку. Страх перед будущим сушит твою душу. И ничего тут не поделаешь. Либо смело смотри вперед, либо пресмыкайся перед ужасным СЕГОДНЯ. Всегда – выбор.

Наличие выбора определяет степень свободы. Отец как-то сказал Антону, что если у человека есть выбор, он всегда будет свободен. Сергей, присутствующий при этом разговоре, не придавал тогда словам отца особого значения. Что такое выбор? В его, еще не сформированном детском сознании выбор ассоциировался с апельсином и яблоком. Что слаще и вкуснее? Тогда он уяснил для себя одно: и тот и тот фрукт хорош сам по себе, и выбирать тут нечего. Надо суметь получить и апельсин, и яблоко.

Сейчас, много лет спустя, слова отца звучали для него по-другому. Выбор...

Выбор всегда есть стремление к лучшему. Неужели СВОБОДА только и состоит из этого самого ЛУЧШЕГО? Это не так. Да и сам выбор бывает ограничен. Долгом, присягой, честью, в конце концов. И выбор всегда определяет две позиции. Как в шахматах. Черное и белое. Дуализм. Кто придумал это?! Кто разделил жизнь на ненавистные клетки? Красные и белые... Неужели сама суть человека в этом?

Сейчас Сергей отчетливо понимал, что выбор, являясь необходимым условием свободы, в то же время несет в себе разрушающее начало. Выбор заставляет привередничать и сомневаться, разрушает целостность суждений. Ах, как права была святая инквизиция, когда боялась давать своей пастве свободу выбора! Не напрасно боялась! Выбор развращает, ибо всегда хочется лучшего. Веру в бога, в отчизну, в человека, все это выбор подвергает проверке, и не всегда с положительным результатом.

Отец сделал свой выбор. Отправил детей из России. Он за НИХ решил их дальнейшую судьбу. Имел ли он на это право? Что хорошего в том, что Антон сейчас находится в Англии? Он – русский, и в России ему надлежит быть. А он сам, а Ольга? Путешествуют. Ничего лучшего придумать не могли? Опять это «лучшее»...

Сергей допил кофе. В эту минуту двери кафе открылись, и он увидел Ольгу. Она была бледна, взволнована. Кроме ее лица Сергей больше ничего не видел. Ни Анну Сергеевну Соровскую, которая как-то украдкой ступала вслед Ольге, ни двух мужчин, спешащих за дамами.

– Ольга... Что случилось? – Он поднялся сестре навстречу.

Ольга схватила его за руку, потом отпустила, села на стул и закрыла руками лицо.

– Мистер Раженский?

Сергей посмотрел на мужчину, задавшего вопрос.

– Да. Что вам угодно?

– Сережа, ты только не волнуйся. – Анна Сергеевна встала за спиной Ольги. – Понимаешь, это господин Дейн. Он из Англии... Нет, я не могу!

Она опустила на стул рядом с Ольгой, обняла ее за плечи и стала что-то тихо говорить ей. Сергей перевел взгляд с Дейна на Солова.

– Я вас знаю. Вы были с моим отцом, там, в Севастополе...

– Поручик Юрий Михайлович Солов. Бывший адъютант вашего отца.

– Рад видеть вас в здравии, поручик. А этот мсье?

– Роберт Дейн. – Дейн чувствовал себя неловко. Он понял, что сказать Сергею все предстоит именно ему, и от этого не знал, с чего начать.

– Прошу вас, господа, присаживайтесь. – Сергей сел и взял сестру за руку. – В чем дело, милая? Почему ты так расстроилась?

Ольга сжала пальцы брата. Ее плечи дрогнули. Сергей обвел взглядом всех сидящих за столом и, словно какая-то мысль посетила его внезапно, остановил свой взор на Дейне.

– Вы из Англии? Что-то с Антоном? Что с ним случилось?!

– Ничего. – Дейн вытер платком вспотевший лоб. – То есть, с ним все в порядке. Но... Вот, возьмите.

Роберт достал конверт и протянул его Сергею.

– Это от отца!

Он вскрыл конверт. Прочитав письмо, он сложил его пополам и вновь взглянул на Дейна. Внешне в нем ничего не изменилось. Перед Робертом сидел все тот же молодой человек в накрахмаленной рубашке и в дорогом костюме. Лицо его не осунулось, не побледнело, но в глазах Сергея Дейн увидел боль и... ярость!

– Когда? Когда вы получили это письмо?..

– Месяц назад.

– Антон знает?

– Да. – Дейн ругал про себя Говарда, на чем свет стоит, и думал о том, что никогда ему этого не простит.

– Он... что-нибудь нам передал?

– Нет. – Роберт хотел добавить, что не виделся с Антоном перед отъездом, но, вспомнив о желании Говарда, промолчал. Ричард Говард настойчиво убеждал его ничего не говорить Антону о поездке, и как всегда не дал своим словам никакого объяснения.

Сергей не знал, что сказать. Он смотрел то на сестру, то на Дейна. Ольга утерла заплаканные глаза и, ни на кого не глядя, спросила:

– Что нам теперь делать?

Вопрос, превративший вдруг Ольгу в маленькую девочку, в существо, которое всегда нуждается в чьей-то помощи и поддержке, перевернул в один миг в сознании Сергея целый мир.

Солов, стоявший позади Соровской, наклонился к ней.

– Анна, тебе не кажется, что нам необходимо кое-что обсудить?

– Не сейчас, Юра.

– Нет, именно сейчас. Извините. – Солов повысил голос. – Мы оставим вас на минуту.

Ему никто не ответил. Анна Сергеевна поднялась, погладила Ольгу по голове и взглянула на Солова. Ничего хорошего этот взгляд Юрию Михайловичу не сулил. Он покраснел, взяв Соровскую под руку, еще раз извинился и отошел с ней в сторону.

Молчание за столом действовало на Дейна угнетающе. Он мог понять, почему молчат Сергей и Ольга. Узнать о смерти отца, тут у кого хочешь язык отнимется. Но вот почему молчит он, Дейн? Он многое может сказать этим людям. Но он не мог начать разговор и корил себя за это... Горе, – как чаша вина, и надо испить его до дна. Пережить первые минуты трагического известия порой самое трудное. Никакие слова не помогут.

Ольга больше не плакала. Она устала в одну точку. Ее мысли, словно мотыльки в ночи, хаотически летающие в безлунную ночь вокруг горящей лампочки, кружились вокруг слов: «Папа умер!» Все теряло смысл. Нет больше ни одной ниточки, связывающей ее с Россией. «Папа умер?!» Ее надежды, планы, мечты вдруг превратились в песок, струйкой убегавший сквозь пальцы. И ни одной песчинки невозможно остановить. «Папа умер...» Все блекло, бледнело, тускнело перед этим. Путешествия, новые страны, знакомства перестали быть для нее чем-то значимым. Ей и так все это казалось каким-то ненастоящим, как будто она смотрит спектакль и все ждет, когда же закончится представление и начнется настоящая жизнь. А теперь и вовсе все затянулось туманом. «Папа умер!»

Словно прочитав ее мысли, Сергей прервал молчание.

– Отец умер. – Он достал сигарету и все никак не мог ее прикурить. Роберт помог ему. – Благодарю... Значит, теперь нам предстоит все решать самим.

– Примите мои сочувствия, – наконец смог выговорить Дейн.

– Спасибо... Как к вам попало это письмо?

– Я являюсь представителем «Саутенд Сити Банк». Ваш отец поддерживал с нами тесную связь на протяжении многих лет...

– Да, и в вашем банке должны быть счета на наши имена... Антон работает на вас?

– О, ваш брат делает удивительную карьеру. Перед самым моим отъездом он был назначен управляющим отделом внешних операций.

Сергей кисло усмехнулся.

– Карьеру делает? Он всегда добивался своих целей. А что заставило вас, господин Дейн, разыскать меня и сестру? Извините, но я не поверю, что вы оказались настолько сентиментальным, что поддались желанию сообщить нам об этом печальном факте.

– Видите ли, мистер Ричард Говард, глава банка, был знаком с вашим отцом, и то, что Антон работает в нашем банке, является тому подтверждением. Именно мистеру Говарду

были адресованы письма вашего отца. В одном из них он просил мистера Говарда позаботиться о вас... Я здесь для того, чтобы помочь вам. Что вы хотите? Денег? Мистер Говард переведет с ваших счетов любые суммы в любой банк. – Это было опасное предложение. Но Говард был великолепным психологом. Он заранее предполагал, какой ответ даст Сергей, и потому разрешил Дейну сделать это предложение. – Вы только скажите, и мы это устроим.

– Незачем. Ваш банк нас вполне устраивает. Да и Антон, как никто другой, может с пользой распорядиться семейным капиталом... Хотя... – Дейн весь напрягся. – Мне требуется определенная сумма... – Заметив напряжение Дейна, Сергей поспешил его успокоить. – Не беспокойтесь, капитал Ольги останется неприкосновенным. Мне нужны деньги только с моего счета.

– Что ты задумал? – Спросила Ольга безразлично.

– Ничего страшного. – Усмехнулся Сергей. Он посмотрел на полный бокал светлого вина и покачал головой. – Я тебе потом все объясню. Завтра надо первым делом заказать панихиду по отцу.

– Юра, что ты хочешь от меня? – Соровская нервничала.

Солов льстил себе, предполагая, что именно он является причиной беспокойства Анны Сергеевны. На самом деле Анну Сергеевну разбирало любопытство. О чем Дейн будет говорить с Раженскими? Она чувствовала, что речь пойдет о деньгах, и не хотела пропустить подробностей. А этот Солов... мешает!

– Послушай меня, Анна! Ты должна вернуться ко мне! Все может быть по-другому, поверь.

– Как «по-другому»? Юра, милый, пойми, я не хочу возвращаться в прежнюю жизнь. Кто я? Актриса, время которой уходит. Что значат все эти премьеры, закулисные интриги, фуршеты? Ни-че-го! Это не Россия. В Севастополе я была первой, примой! Ах, какие это были времена! Сколько поклонников, сколько цветов! Ты помнишь? А здесь? Все временно. А я хочу стабильности, уважения, денег, в конце концов! Сколько таких как я, нынче в Париже? Тысячи! И все мечтают о сцене, о славе. И все мы здесь – чу-жи-е!

– Хорошо, брось театр, брось Париж! Поедем со мной!

– Бросить Париж?! – Изумилась Соровская, а потом устало добавила: – Уехать с тобой? Куда, Юра?

– Не знаю. В Англию, в Америку. Да куда угодно! Туда, где ты забудешь все!

– Никуда я с тобою не поеду. У тебя нет денег.

Солов отпрянул от нее.

Вот значит как, нет денег?! И это – главное для нее?! Куда катится этот чертов мир?!

Он схватил ее за руку, притянул к себе. Анна Сергеевна побледнела.

– Нет денег?! – Прошептал он. – Это для тебя так важно, да? Я найду деньги, и тогда мы посмотрим! – Он резко повернулся и выскочил из кафе. Анна Сергеевна перевела дух и вернулась к Раженским.

– Юрий Михайлович извиняется, что покинул нас. Вы что-нибудь решили?

– Завтра надо справить панихиду по отцу. Вы поможете нам?

– Конечно, Оленька, конечно помогу.

Глава 3

Тот, кто не видит, как меняются декорации, кто не умеет или не хочет почувствовать острия тысячи иголок, имя которым мгновения, кто не в силах осознать, что нет ничего постоянного, тот обречен ничему не удивляться, оставаясь тенью чего-то невоспетованного жизнью.

Начиная с 1918-го, каждый год становился историческим для России.

1922 – образование СССР.

1924 – смерть Ленина, и начало бескомпромиссной партийной борьбы между Сталиным и Троцким.

На идеи Троцкого ставится клеймо мелкобуржуазного уклона.

В эти годы подвергся резкой критике и гонениям НЭП.

1925 – Сталин у власти. Начало коллективизации и репрессий.

Троцкий проиграл! Этот человек, со множеством недостатков и достоинств, великодушный оратор, один из создателей Красной Армии, не смог противостоять изворотливому и хитрому уму Сталина.

В 1927 году Троцкого исключают из партии и вышлют сначала в Алма-Ату, а чуть позже за границу.

Сталин боялся этого человека, быть может, единственного, к кому он испытывал это чувство.

А в Европе в эти годы происходил расцвет русской эмиграции. Многие наконец-то поняли: у новой России нет пути назад! Надежда вернуться превращалась в ностальгию.

** * **

Англия 1925 год.

Через год после известия о смерти отца, Антон женился. Ричард Говард согласился на брак своей племянницы, Алисы Дейн, и дал ей в приданое небольшое поместье в восьми километрах к востоку от Саутенд-он-Си, куда молодожены и переехали.

Миссис Дортфал была счастлива, но переезд Антона ее огорчал.

– Не забывайте меня, Энтони, – сказала она на прощание. – Заезжайте в гости, я всегда буду рада вам.

Тут она всплакнула, и Алисе пришлось ее успокаивать.

Поместье находилось недалеко от мыса. По вечерам, когда прилив гнал волны обратно в Темзу, бриз с Северного моря шумел в красивом саду.

Алиса тут же принялась хозяйничать в доме. Все ей было внове. Она радовалась каждой мелочи как дитя. Домашние заботы ее не угнетали. Она даже смогла найти время в плотном расписании дня для посещения женского клуба.

А по вечерам... Ах, эти вечера!

В банке дела Антона шли в гору. Говард, получивший в распоряжение основной капитал семьи Раженских, мог вздохнуть свободно. Начало Великой Депрессии в США, грозившей затронуть земли Альбиона, теперь не внушало ему серьезных опасений.

Небольшая размолвка между Робертом Дейном и Антоном растаяла, не оставив после себя и следа. Это произошло сразу после возвращения Дейна из загадочной поездки в Европу.

Но за этим, вполне благополучным фасадом скрывались темные пятна. Как бы удачно не складывались обстоятельства в жизни Антона, было еще одно, не дававшее покоя его мыслям. Брат и сестра. Он не знал, где они. Через некоторое время после возвращения Дейна,

Говард перевел куда-то большую часть денег со счета Сергея. Это обеспокоило Антона. Утверждение Говарда, что таково желание самого Сергея, только усилило обеспокоенность. Почему Сергей не обратился непосредственно к нему? Что заставило брата так поступить, и почему он не пишет? По поводу этого можно было обратиться к самому Говарду, но вряд ли он нарушит конфиденциальность банковских операций. Да и гордость Антона не позволяла ему задавать подобные вопросы. Если Сергей посчитал нужным не посвящать брата в свои дела, – так тому и быть.

Такие размышления не успокаивали. Все чаще Антон думал о том, что все могло бы быть иначе, если бы не...

«Если бы не»... Оно живет незаметной серенькой тенью в нашей жизни, выходя на свет в не самые лучшие моменты оной. «Если бы все могло быть иначе!» Оно приносит елей нашей измученной душе, заставляя жить в ничемных сожалениях и лживой надежде. Что толку говорить о том, что могло бы БЫТЬ, но не ЕСТЬ?

Но слаб человек, и душа его нуждается в подобном самообмане. Это мостик между реальностью и тайными желаниями души. Разница между потенциальными возможностями человека и спросом, предлагаемым жизнью. Чаще всего мир отделяется молчанием, не замечая потенциал человека. И тогда нам кажется, что неровности мира начинают нас раздражать и давить. Но ведь это происходит только тогда, когда мы САМИ становимся неровными по отношению к миру. Когда мы начинаем под него подстраиваться, извиваясь всем своим существом, лишь бы быть в гармонии с окружающим!

Чушь! Неровности мира, естественные в своей сути, имеют размер горошины. Мы же выращиваем их до размеров горы. Когда происходит подобное, начинаем сожалеть: – «ах, если бы все было иначе...»

Для чего? Ради уюта?! Пребывать в своем маленьком удушливом мирке, дрожа от страха, что кто-то проникнет в него как враг, или и того хуже – как друг, это ли уют?! Да и нужен ли он тем, кто сам дошел до черты?

Если бы не...

Переживаниям мужа Алиса не придавала значения. Они были не столь явно видны, пока однажды Роберт не привлёк ее внимание, указав на некую странность.

Был долгий декабрьский вечер. Распорядившись по поводу ужина, Алиса с нетерпением ожидала гостей. Муж позвонил с работы после обеда и сказал, что сегодня вернется чуть позже обычного и с гостями. На вопрос жены, кто же именно будет в числе приглашенных, он рассмеялся. Ответил, что это сюрприз. Алисе ничего не оставалось, кроме как гадать, кто же их сегодня посетит.

Обычно к шести вечера Антон был уже дома. Но вот часы пробили семь, а его все не было. Алиса не волновалась, – муж предупредил, значит, ничего серьезного не случилось. В половине восьмого, когда она все же начала нервничать, во дворе раздался шум подъехавших автомобилей. Алиса оказалась у дверей раньше прислуги.

– Разве так можно?! – Напустилась она на мужа. – Ты предупредил, что задержишься, но не настолько!

– Успокойся, милая, принимай гостей!

Антон уступил дорогу и Алиса воскликнула:

– Боже, Роберт! О, и дядя тут! И как это вам взбрело в голову навестить свою племянницу? – Она улыбнулась гостям.

Говард обнял Алису.

– Это все твой муж. Он целый месяц уговаривал меня приехать.

– А мне ничего не говорил. – Алиса взглянула на мужа.

Сюрприз Антона удался. С самой свадьбы она не видела Говарда. Роберт тоже не часто навещал сестру. Этот визит оказался как нельзя кстати.

– Джентльмены, прошу вас. Алиса, как насчет горячего чая? Мы немного озябли.

– Не волнуйся, сейчас все будет. Поли, – она обратилась к служанке, – прими одежду, и распорядись на кухне, чтобы подавали.

После ужина, за которым Алисе немного взгрустнулось, ибо мужчины кроме как о банковских делах больше ни о чем не говорили, все устроились в большой гостиной.

Говард сидел в кресле у камина, курил сигару, потягивал глинтвейн, который превосходно умела готовить его племянница. Роберт и Алиса играли в бридж. Антон расположился на диване. Разговор шел неторопливо.

– Вы не замечали, что каждое время года определяет свой темп жизни? – Роберт сдал карты. – Я не говорю о больших городах. Там вечно все куда-то спешат. А вот в провинции все иначе.

– Ты о чем? – Сонно спросил Говард.

– О психологии, дядя, – ответила Алиса. – Роберт в последнее время стал увлекаться психологией.

– Вы не понимаете. Вот вам простой пример, – зима. Мало того, что природа свернула свой рост, так и время само стало идти по-другому.

– Это слишком! – Говард наклонился к камину и стряхнул пепел с сигары. – Не хочешь ли ты сказать, что минута летом короче минуты зимой? Это абсурд!

– Я не об этом.

– А о чем же?

– О жизни. О темпе жизни. Летом, когда все вокруг полно цвета и солнца, сама жизнь ступает изо дня в день, не замечая коротких вечеров. А зимой... Зимой и вечера длиннее, и день какой-то неторопливый, ленивый. Но – поспешил оговориться Роберт, – это видно только в провинции.

– Все зависит от восприятия. – Алиса бросила карты и поудобнее устроилась в кресле. – Каждый обо всем судит по-своему.

– Но согласитесь, – не унимался Роберт, – что летом все же лучше, чем зимой!

– А я люблю зиму. – Антон закурил. – Все мое детство воспринимается сейчас лишь с двумя крайностями. Зима в Москве, лето – на даче под Петербургом.

– Зима в России – это наверное что-то ужасное. – Передернула плечами Алиса.

Зазвонил телефон. Антон поднялся.

– Ты куда? Поли ответит.

– Я сам.

Когда Антон вышел, Роберт наклонился к сестре.

– Он часто думает о России.

– Я это понимаю. Он там родился.

– Ты не понимаешь. Россия для него не просто место, где он родился, хотя это и немало важно. Россия – прежде всего его семья.

– Какая семья? Его отец умер.

– Живы брат и сестра. Он беспокоится о них.

– Кажется, они в Европе.

– Это ничего не меняет. – Роберт понизил голос. – Дядя мне как-то говорил, что Антон за последние семь-восемь месяцев несколько раз справлялся у него о своих родных. И не важно, что они не в России, думая о них, он думает о родине.

– Причем тут дядя? – Не поняла Алиса.

– Не знаю. – Роберт замаялся. – Счета родных Антона в нашем банке, и он, наверное, хотел узнать, не снимались ли с них деньги.

– А что дядя?

– Ничего. После того, как твой муж передал право на распоряжение капиталом своей семьи, информация об этих счетах стала ему недоступна. А у Говарда и так полно дел, чтобы помнить о каких-то счетах.

– Что-то я тебя не пойму, Роберт. Дядя ничего не сказал Антону?

– А что он может сказать? Конфиденциальность подобной информации гарантирована в нашей банке любому клиенту. И это правило никто не может нарушить. И уж тем более сам Говард!

– А ты... Ты что-нибудь знаешь?

Роберт на минуту замолчал. Алиса выжидающе на него смотрела.

– Нет.

– А если я сама спрошу у дяди?

– Тебе не стоит этого делать! – Испугался Роберт. – Он все равно ничего не скажет. Да и ни к чему это.

То, что Роберт ей солгал, Алиса почувствовала сразу. Для нее это было новое, неприятное ощущение. Она даже мысли не допускала, что Роберт может солгать. Но... Видимо, за спиной ее мужа в банке происходит нечто, что заставляет людей поступать не так, как они хотят сами.

Роберт солгал! Бог с ним... Но дядя! В эту минуту она осознала, что никогда не понимала Говарда по-настоящему. Все его поступки, дела, вдруг оказались для нее не кристально чистыми и понятными, а затянутыми серой мглой. Мотивы, побуждающие Говарда вести себя так или иначе, и вовсе перестали быть различимы. И в новом свете она увидела свою свадьбу...

Что там говорил Роберт о контроле над капиталом семьи Раженских? Уж не сделку ли заключил ее дядя с Антоном?!

Ужас от этой мысли холодком пробежал по ее спине. Она любила мужа и была уверена, что муж тоже ее любит. Но если ее подозрения имеют под собою почву, то, как посмел Говард превращать ее чувства в предмет торга?!

Алиса посмотрела на Говарда. Он уже допил глинтвейн, от сигары его остался небольшой окурочек. В кресле у камина он всем своим видом выражал такое удовольствие, что Алиса в ту же секунду отмахнулась от своих мыслей. Говард был похож на сытого гнома, за день уставшего, а теперь, после ужина, полностью отдавшегося блаженству дремы.

Вернулся Антон. На взгляд Роберта он ответил:

– Мартин Ренинг.

И тут же в Говарде произошла резкая перемена. Сытый гном исчез. Его место занял финансист.

– Что он хотел? – Роберт откинулся на спинку кресла.

– Сказал, – Антон обратился к Говарду, – что бумаги, которые вы просили подготовить, готовы.

– Ох, уж этот Ренинг, не мог подождать до утра, – заворчал Говард и поднялся из кресла. – Прости меня, Алиса. Но дела, сама понимаешь.

Видя, что Говард засобирился, Роберт тоже решил проститься.

– Вы в Лондон? – Спросил он Говарда и, получив утвердительный ответ, обратился к Алисе: – Ужин был превосходен, сестра.

– Может, все-таки останетесь? – Скорее из вежливости спросила Алиса. – Ночь на дворе.

– Спасибо, дорогая, но Ренинг такой человек, что если я ему не позвоню сейчас и не скажу, что еду, он будет звонить сюда всю ночь. Исправный малый этот Ренинг...

Позвонив и одевшись, Говард обернулся на пороге.

– Я жду вас послезавтра в одиннадцать утра, – сказал он Антону, поцеловал Алису в щеку и вышел.

Роберт пожал руку Антона.

– В Лондоне увидимся. Пока, Алиса.

Антон стоял в дверях, пока не загудел мотор машины, потом закрыл двери и обратился к Поли:

– На сегодня все, вы можете отдыхать.

Он взял Алису под руку, и они поднялись на второй этаж, где располагалась спальня и небольшая библиотека.

– Выпьешь чаю?

– Спасибо, не хочу. Ужин был великолепен, ты у меня умница.

В библиотеке Антон наполнил два бокала хересом, подал один жене и уселся за письменный стол. Алиса прошла вдоль стеллажей, разглядывая корешки толстенных томов, и остановилась у окна.

– Я хочу тебя кое о чем спросить, – начала она. – Перед нашей свадьбой у тебя не было никакого разговора с Говардом?

Антон отвлекся от бумаг, разложенных на столе, и посмотрел на жену. На фоне окна, в которое пробивался мутный свет фонаря сквозь тысячи падающих снежинок, ее силуэт виделся ему волшебным чудом, чем-то неземным, но до боли родным и близким. Он поднялся, обнял ее за плечи.

– Что тебя тревожит?

Алиса повела плечами, освобождаясь от его объятий.

– Ты с Говардом о чем-то договаривался?

– О чем, милая? Я не понимаю.

– Не знаю. О деньгах твоей семьи, например.

– Почему тебя это интересует? – Спросил Антон.

– Потому что я тоже теперь твоя семья! Почему дядя так легко согласился на наш брак? На него это так не похоже.

– Мы любим друг друга, разве это не веская причина? И почему именно теперь, три года спустя, тебя так волнует этот вопрос?

Алиса отвернулась от мужа.

– Просто мне кажется, что тебя иногда волнует нечто большее, нежели наша семейная жизнь.

– Это не так! – Резко ответил Антон. – У тебя нет повода так думать.

– Есть! Все, что касается тебя, мне небезразлично! Сегодня мне показался странным тот факт, что сразу после нашей свадьбы Говард получил контроль над состоянием твоей семьи!

– Не контроль.

– Мне не важно! – Вспылила Алиса. – От других я узнаю, что ты пытаешься найти брата и сестру...

– Разве в этом есть что-то плохое?

– Нет... Я не это имела ввиду... Почему ты мне ничего не говоришь?

– Это мое дело, и я никого не хочу в него впутывать!

– Ты передал право на использование денег твоей семьи Говарду, а взамен получил меня? Это меня касается?! А теперь ты устроил поиски своих родных! Назревает еще какая-то сделка?!

– Замолчи! – Антон схватил жену за плечи и развернул ее к себе лицом.

– И не подумаю! – Она наотмашь ударила его по лицу.

Антон отпустил ее.

– Ты ничего не понимаешь.

– Так объясни мне!

Он покачал головой.

Кто наговорил ей такую чепуху? Говард?! Роберт?! Нет. Роберт вряд ли способен на такое.

– Иди спать. Сейчас не время для таких разговоров.

Антон тяжело опустился на стул. Алиса допила вино и направилась к дверям. На пороге она обернулась:

– Я была сегодня утром у врача. У нас будет ребенок. – И хлопнула дверью...

Садясь в машину, Говард улыбался. Молодец Ренинг! Не много же времени потребовалось ему. Отличное качество управляющего, умевшего всегда подготовить все необходимое за короткий срок, не раз позволяло Говарду вести свои дела с большим успехом, нежели можно было ожидать. Ворчание по поводу его звонка – это лишь так, для вежливости, чтобы не обидеть Алису. К тому же он сам просил Ренинга звонить, как только все будет готово.

– Вот что, Роберт, послезавтра ты тоже должен присутствовать при моем разговоре с Антоном. Надеюсь, у тебя нет срочных дел? Вот и отлично!

* * *

Франция. 1923 – 1925 года.

Отъезд брата в Париж не тревожил Ольгу. Так повелось, что два раза в год он уезжал и все домашние дела, а так же дела на производстве, ложились на нее. Сначала это было трудно, грустно, утомительно для молодой девушки. Потом она даже полюбила это время, воспринимая его как своеобразные каникулы, когда можно побыть одной.

Идея Сергея, которая несколько лет назад показалась ей нереальной и потому не достойной серьезных размышлений, на самом деле оказалась вполне разумной. Когда брат впервые сказал ей, что хочет заняться производством вина, она долго смеялась, не представляя его, да и себя тоже, в роли знатоков этого дела. Ольга и подумать не могла, что у Сергея хватит терпения и знаний. И уж тем более получать от этого удовольствие... Помилуй бог!

Ах, как она ошибалась! Брат оказался настолько захвачен этой идеей, что отдал всю свою энергию, весь свой энтузиазм, казалось бы, безнадежному делу.

Когда Сергей приобрел в собственность несколько заброшенных виноградников на западном берегу Креза, недалеко от Ле-Блана, никто не сказал бы, что они сделали удачное капиталовложение...

Первый год ушел на ремонт дома и небольшого заводика по переработке винограда, на приведение в порядок заброшенных виноградников, на реставрацию оросительной системы, и еще многое и многое требовалось восстановить, отремонтировать и даже построить заново...

В расположенной неподалеку маленькой деревушке, какой может быть только французская деревня, живущая своими заботами, изредка почитывающая столичные газеты за стаканчиком превосходного красного, Сергею повезло найти нескольких опытных виноделов. Самый старший из них, пятидесятилетний Жерар Дирен, оказался на редкость милым человеком в общении, и строгим, неприступным, когда речь заходила о производстве вина. Вот он-то и стал ключевой фигурой в деле возрождения заброшенных виноградников.

В первое свое посещение Раженских Жерар только головой качал.

– Господи... До чего все разрушено! А вы знаете, мсье, что на этом заводе работали и мой дед, и мой отец... Да и я частенько, будучи мальчишкой, не раз участвовал в сборе

винограда, да! Но потом прежние хозяева забросили это дело. Виноградник запустили... А ведь он этого не прощает. Каждая лоза, каждая кисть винограда – все понимают и все помнят. В каждой ягоде отсвечивается труд и любовь. Да... Так вы, значит, хотите все это поднять? Эх-хо-хо...

– Я понимаю, что одному мне это не под силу. – Сергей держал Ольгу за руку и чувствовал, как ее пальцы все сильнее сжимают его ладонь. – Вот потому мне и нужны такие люди как вы. Знающие эту землю, любящие ее, корнями вросшие.

– Да-а, – многозначительно протянул Жерар. – А платить как будете? – На его губах проявилась лукавая улыбка.

– Не обещаю, что много. – Ольга еще сильнее сдавила руку Сергея. – Большая часть средств ушла на приобретение шато. Остались деньги на ремонт и на небольшое жалование рабочим в течение полутора лет. Но когда все заработает...

– Ну-у, когда все заработает, тогда и посмотрим, – перебил Жерар. – Что ж, мсье, я согласен. И должен вам сказать, что лучшего винодела вам здесь не найти!

И пошло, поехало!.. И чего только не было сделано! Пока Дирен и люди, которых он сам нанял, приводили в порядок виноградники и завод, Сергей собрал всю имевшуюся в Ле-Блане литературу по производству вина. Дело затягивало его, он вечерами зачитывался трактатами о вине, как современных исследователей, так и авторов эпохи Римской империи.

Ольга с улыбкой наблюдала происходящие в нем изменения, когда из восторженного мальчишки он превращался в зрелого мужчину.

Больше всего Сергея томило ожидание ни с чем не сравнимого чувства удовлетворения при виде результатов своих трудов. Будь то раннее утро, полдень или вечер, Сергея всегда можно было найти на виноградниках. Жерар объяснял ему все, – какой сорт винограда идет на то или иное вино, когда лозу надо подрезать, когда следует начинать сбор урожая, что делать, если вдруг засуха или проливные дожди. Как бороться с болезнями винограда, и почему перед отжимом никогда не следует его мыть. Все эти тонкости кружили голову Сергея. Он не раз благодарил господ и судьбу за то, что встретил Жерара.

– А вот это ничем не заменить! – Как-то заметил Жерар и указал на семь десятков дубовых бочек, огромных, пузатых, важно лежащих в полумраке погребов. Каждая бочка была больше человека в несколько раз, и оттого они все чудились Сергею выходцами из какого-то другого мира. – Они и виноград – основа вина! Старый дуб, он как муж вино. С ним оно расцветает, зреет, набирает аромат и букет.

От этих слов Сергея переполняла гордость.

Четыре года и почти все сбережения Сергея принесли наконец-то результат. Он не мог еще похвастать коллекционными сортами вин, для этого требуется время. Но в его подвалах уже зрело хорошее вино.

Жерар, ставший управляющим производства, улыбался в бороду, глядя, как Сергей при каждом осмотре прикасался руками к бочкам, словно любящий отец к единственному ребенку, как он наклонял голову, поднявшись на самый верх, под потолок погреба, и прислушивался – не шепнет ли ему что-то дух вина...

Все это время рядом с Сергеем была Ольга. Легкой тенью за его спиной, она являлась его опорой, поддерживала в минуты огорчения и радовалась при каждой удаче. Ее присутствие не всегда ощущалось Сергеем. Первые два года она не проявляла особого интереса к делам на виноградниках. Сергей списывал это на тоску по отцу и России. Именно поэтому он не возражал против ее переписки с Анной Сергеевной Соровской.

(Мадам Соровская приезжала к ним в гости два раза. И каждый раз высказывала свое восхищение увиденным. Уезжая, она просила Ольгу приехать к ней в Париж.)

Жерар, вот кто смог вовлечь Ольгу в дела, и Сергей был ему за это благодарен. Как только степенная фигура Жерара, напоминавшая Ольге русских деревенских мужиков с их

неспешным укладом жизни, появлялась у Раженских в доме, сама атмосфера сразу наполнялась спокойствием и добродушием. Дирен часами мог говорить о вине. Его разговоры и размышления заставили Ольгу сначала с юмором, а потом и всерьез заинтересоваться происходящим. Сергей был рад такому повороту событий. С грустью смотрел он, как Ольга потчевала Жерара чаем и блинами, которые не доверяла готовить прислуге, и как Жерар деловито кашлял после каждого горячего глотка и разводил руками в восторге от блинов с малиновым вареньем. Ольга, юная Ольга, девочка с заплаканными глазами, превратилась за эти годы в прекрасную молодую женщину. Лишь в глазах ее, если очень присмотреться, можно было уловить тень печали, которую невозможно изгнать и пережить.

Поездки Сергея в Париж были обусловлены делами. Как правило, он уезжал перед сбором урожая и еще раз весной, когда в Париже устанавливалась определенная квота производства вина для множества производителей, работающих как на внутренний рынок, так и на внешний. Оставляя сестру, Сергей всегда чувствовал угрызения совести. Сколько раз он обещал взять ее с собой и никогда не выполнял обещанное. Ольга не обижалась и в последнее время даже не говорила об этом. Но Сергей чувствовал ее невысказанную просьбу. И вновь он твердил про себя на перроне вокзала в Туре, куда из Ле-Блана добирался на машине, что в следующий раз все будет иначе и сестра сможет поехать с ним.

– Приглядите за сестрой. – Сергей пожал руку Жерара. – Я постараюсь задержаться не очень долго.

– Обязательно. – Жерар достал из жилетки часы, сверил их с вокзальными. – Не забудьте про пресса, мсье, а о сестре не беспокойтесь. Не впервой.

Сергей кивнул.

Подали поезд. Народ оживился. Толпа, растянутая по перрону, зашевелилась. Сергей поспешил к своему вагону.

В купе находились два человека. Сергей извинился, что его появление прервало их беседу, разложил свой небольшой багаж и уселся у окна. Раздался гудок, пассажиров качнуло, поезд тронулся.

– Еще часа два-три и мы будем в Орлеане. Поезд там стоит пятнадцать минут, этого времени вполне хватит, чтобы выйти и купить газеты. – Один из пассажиров встал, протянул руку к полке над головой Сергея и взял несколько газет трехдневной давности. – Вы не возражаете, мсье?

– Пожалуйста. Вы русские? – Полуутвердительный вопрос Сергея застал врасплох его соседей по купе. Он поспешил добавить: – Я тоже.

– О, очень приятно! – Перешел на русский тот, что был старше. – Позвольте представиться, Андреев Петр Евгеньевич. Мой сын Александр.

– Раженский, Сергей Петрович.

– Как вы догадались, что мы русские? – спросил сын.

– По акценту.

– Не задавай мсье глупых вопросов, Александр! Извините его, он еще так молод.

Сергей улыбнулся. На вид Александру было лет двадцать, и беспокойство его отца было напрасным.

– Я думал, что все русские сейчас в Париже. – Александр не обратил никакого внимания на замечание отца. – Франция большая, но почему-то именно в Париже наших соотечественников больше всего!

– Не говори глупостей! Мсье сел в поезд в Туре, значит, он не из Парижа. Я ведь прав?

– Да, я с сестрой обосновался в Ле-Блане. Мы единственные русские в округе, и я тоже немного удивлен нашей встречей.

– Я вас понимаю. Париж не Москва, на всех не хватит. – Эти слова неприятно отозвались в душе Сергея. – Вы тоже молоды, но не в пример некоторым, – Андреев бросил взгляд на сына, – выбрали провинцию. У вас там родственники?

– Я же сказал, мы с сестрою там совершенно одни.

– Ах да, простите... Но что же вас держит?

– Дело. – Сергею расхотелось говорить с ними.

Но Андреева уже было не остановить.

– Дело! Ты слышишь, Александр! Дело! Вот в этом суть. Хоть и на чужбине, но русские смогут выжить. Сколько нас осталось без крова после революции, скольких русских было вынуждено оставить Россию! Казалось бы, весь вышел запас терпения, и нету больше русского народа! А вот и нет! Нате-ка, выкусите, господа большевики! Что нам теперь Россия?! Париж, Лондон, Вена... Европа, цивилизация! А в России ныне что? Нет, вы знаете, молодой человек, что теперь в России?! Бардак...

– Ты не прав, отец. Газеты пишут, что Советы объединились. Их республики теперь составляют Союз.

– Чушь все это! Батрак должен пахать, а не управлять государством! Большевики! Да кто они такие?! Все сломали, выжгли, разорили...

– Они теперь хозяева, – спокойно заметил Сергей.

– Тут вы правы. – Петр Евгеньевич перевел дух.

Его слова совсем не нравились Сергею. Как можно так говорить о Родине? Пусть там сейчас другие порядки, другая власть, но ведь там РУССКИЕ! Там народ.

– Большевики захватили власть. Но что они сделали?! Храмы разорили, ну как же, они же атеисты! А в этих храмах история страны, нации! Всех расстреляли, всех... Колчака казнили... – Андреев достал платок и вытер глаза. Тут Сергей понял, кто перед ним. Этот человек жил и живет лишь прошлым. Гордиться историей отчизны – это одно дело. Но упиваться сожалением, жить этим чувством, лелея в душе ненависть – совсем другое! Нет в этом патриотизма.

Сергей уставился в окно. Что ему эти люди?! Их надежды, чаяния, мечты – все связано ненавистью и сожалением. Они одиноки.

Как, впрочем, и он сам.

Как в пустыне, где тысячи песчинок сплочены в гигантский символ отречения.

Противостояние.

Если нет в мире солнца, то следует научиться жить без него. И в ночи есть тысячи звезд. Надо лишь выбрать, как это ни страшно, свой светильник.

Разве мы сами не являемся носителями света?!

Противостояние.

Ничтожны мы перед пустыней, которую сами и создали. Не перешагнуть через собственные пески. Можно лишь изменить их, огромным трудом превратить в цветущие сады. Но не многим дано. А если не переступить – значит, нет ничего СВЕРХ! Вот она, причина НЕНАВИСТИ! Вот чем живут эти люди.

Не понимают они, что если есть причина ненависти, то обязательно должна быть причина ЛЮБВИ! И может в этом смысл пустыни, – научить человека любить?!

Нет, думал Сергей, глядя на проплывающие за окном пейзажи, в одиночестве скорее научишься ненавидеть. Вот как они, эти двое.

Каково бы ни было назначение одиночества, нет в нем ничего положительного. Даже тех печальна судьба, кто в одиночестве достиг вершин и, возгордясь, возомнил себя богом. Не с кем им поделиться познанным, печалью, радостью, истиной в конце концов. Есть лишь возможность презирать тех, кто внизу. И коли поступишь так, – печальна судьба твоя, о одинокий! Ну а если вздумаешь нести свет свой и радость с вершины вниз – еще ужаснее судьба

твоя, о безумный! Ждет тебя крест страстей человеческих. Зависть и ненависть! Но может ли это остановить сердце, измученное одиночеством, полное новым и неизведанным, и горящее желанием поделиться?!

Задать бы этот вопрос тому, в ком горит этот огонь.

Сергей посмотрел на попутчиков. Они уткнулись в газеты, словно и не было разговора. Нет, эти не услышат вопроса.

В Орлеане Александр купил газет, как и просил отец.

– Не желаете?

Сергей отказался. Петр Евгеньевич хмыкнул, но ничего не сказал.

В Париже Сергей первым делом посетил Анну Сергеевну.

– Вы не представляете себе, Сережа, как я рада вас видеть! – Сергей передал ей два письма Ольги. Соровская взяла их, положила на столик, бросила взгляд в зеркало. – Время бежит. Вы знаете, а я скучала без вас. – Увидев смущение Сергея, она улыбнулась. – Не бойтесь, я не собираюсь вас соблазнять. Хотя... – Она расхохоталась. – Да перестаньте нервничать, Сережа! Лучше поухаживайте за мною...

Сергей подал ей фрукты.

– Благодарю. Как поживает ваша сестра? Она, наверное, стала очаровательной женщиной. Любите ее, Сережа. Вы даже не знаете, как это много значит для женщины. – Мадам Соровская вздохнула, надкусила яблоко. – Ну, рассказывайте, какие дела занесли вас сюда? Причина в ваших виноградниках?

– Вы правы. Кстати, позовите прислугу.

Анна Сергеевна позвала.

– Как звать? – Шепотом спросил Сергей.

– Люси, – также тихо ответила мадам Соровская.

– Люси, будьте любезны, там, в передней стоит бутылка вина, подайте нам.

– Это сюрприз? – Анна Сергеевна взяла Сергея за руку.

Люси вернулась с бутылкой.

– Да. Вот, попробуйте.

Сергей налил вино и подал фужер, держа его за тонкую ножку, Анне Сергеевне.

– Восхитительный вкус... Из ваших виноградников?

– Да. Оно молодо, но уже чувствуется букет.

– Вы правы. – Мадам Соровская еще раз пригубила вино. – Я рада за вас. А у меня все по-прежнему. Кстати, вы ничего не слышали про Юрия Михайловича?

– Вы имеете в виду Солова?

– Да.

– Нет. А что, с ним что-то случилось?

– Не знаю... Ладно, оставим это. Вы мне так ничего и не рассказали.

– А что рассказывать? У нас все нормально. В прошлом году я решил немножко модернизировать завод. Ничего не вышло. Но в этом году, думаю, все получится. Нужны новые пресса... Но вам, наверное, это не интересно.

– Напротив, я довольна, что у вас все получается. Вы так и горите жаждой действия. Это хорошо. А у меня одни неудачи. Да, да, представьте себе. Конечно, в театре дела идут неплохо, я, знаете ли, оказалась хорошим организатором. Но вот на сцене... Уже не то! И не успокаивайте меня, ничего не говорите. Я не хочу, чтобы вы мне льстили! – Анна Сергеевна вновь подняла фужер и, вдруг улыбнувшись, продолжила: – А впрочем... льстите мне. Я без этого жить не могу!

Время пролетело незаметно. Каждый день был заполнен встречами, разговорами, подписанием документов. Сергей смог договориться о поставке новых прессов, это позволяло освободить рабочих от тяжелого труда на ручных прессах и использовать их непосредственно на виноградниках, где их знания и опыт были так необходимы. К тому же, ему удалось ознакомиться с новыми методами в организации виноделия и лучше узнать своих конкурентов. Лишь об одном он сожалел, что не удалось подписать договор на поставку вина одному из крупнейших оптовиков. Мсье Жак Дешортан по достоинству оценил молодое вино Раженского, но высказал пожелание по поводу розлива.

– Я готов покупать у вас вино в бочках, но не хочу, чтобы ваше дело приносило вам убытки. А это незамедлительно произойдет, подпиши мы с вами договор сегодня. Постарайтесь наладить у себя розлив в бутылки. Тогда мы с вами побеседуем еще раз.

Предложение было заманчивым. Сергей не раз думал об этом, но, как всегда, вопрос упирался в нехватку средств. Надо было либо урезать жалование рабочих (на что он пойти никак не мог), либо искать деньги на стороне.

Ольга не раз предлагала ему воспользоваться своей частью капитала, но Сергей и думать об этом не хотел.

– Это твое приданое! И не смейся. Придет время и тебя тоже свяжут узы Гименя. А деньги – хорошие звенья этих уз!

– Ты стал рассуждать как Антон! – Смеялась Ольга, но склонить брата к согласию не могла...

* * *

Очередь к кассе была немногочисленна. Сергей закурил и огляделся. Разночинный народ неторопливо заполнял перрон. Кто-то обсуждал последние газетные новости, кто-то просто ждал своего поезда.

– Пожалуйста, один до Тура. – Он протянул деньги в кассу.

– Вы сказали в Тур, мсье?

Сергей обернулся. Стаявшая за ним девушка улыбалась.

– Да, мадмуазель.

– Вот славно! Вы знаете, я давно не была в тех местах. Наверное, лет семь. Если я попрошу вас об одной услуге, надеюсь, вы мне не откажете?

Конечно, хотел сказать Сергей, кто может отказать такой милой девушке?!

– Почему я?

– Что, простите?

Надо было срочно найти какие-то слова, удержать внимание девушки.

– Я хотел сказать, что, конечно, окажу вам услугу. Только можно узнать, в чем дело?

– Возьмите, мсье. – Кассир подал Сергею билет.

Он сделал шаг в сторону, девушка заняла его место.

– До Тура один. – И она снова посмотрела на Сергея. В ее глазах мерцал озорной огонек. – Спасибо. – Она взяла билет. – Ну вот, нам с вами ехать вместе.

– Очень рад. – Сергей замялся. – Чем могу помочь?

– Я не была в Туре очень долго. Знаете, как это бывает, провинциальная девчонка приехала в Париж и все забыла!.. Так вот, вы не могли бы быть моим сопровождающим, боюсь, я ничего там не узнаю.

– Конечно, мадмуазель...

– Катрин, Катрин Дорш.

– Раженский, Сергей Петрович.

– Вы русский?!

– Вас это удивляет?

– Нет, но... Хотя, какая разница. С вами мне будет спокойнее. Просто, меня удивило, что вы уезжаете из Парижа.

– Я вас понимаю. Но, видите ли, у меня пол Ле-Бланом свои виноградники.

– Под Ле-Бланом?! Вот удача! Вы можете удивиться, но мне как раз в Ле-Блан и надо! У меня там дядя живет. Ну, не совсем в городке, в деревне... – Катрин вдруг замолчала. Пристально взгляделась в Сергея. – Так вы русский? Дядя мне как-то писал про каких-то русских, купивших виноградники недалеко от деревни Шурле. Уж не вы ли это?

– Может быть. – Сергею импонировало внимание девушки. – Я не знаю в округе других русских.

– Вас сам бог послал мне! Я именно в эту деревню и еду! Серж, можно я вас так буду называть? Это же большая удача! А я думала, как мне добраться до Шурле...

Ее непосредственность и непринужденная легкость в общении обескураживали, волновали Сергея.

– ... в Сорбонне. Представляете, какая это скука! Мне так домой захотелось! И я все бросила. Подумаешь, год не доучилась, ведь ничего страшного в этом нет. Зато дома... Дома всегда лучше, вы не находите?

– Что? Ах, дома... Да, дома всегда лучше.

Всю дорогу Катрин рассказывала Сергею про свою студенческую жизнь. Несмысленной девчонкой она приехала в Париж...

Париж! Магнит, который притягивает к себе все, что есть в человеке: чувства, страсти, желания. Но сказка оказалась фальшивой. За яркими огнями ресторанов, за роскошными фасадами особняков скрывалась другая правда парижской жизни: безработица, трущобы, проституция.

Денег, оставленных Катрин в наследство покойной матерью (ее смерть была той причиной, по которой Катрин решилась на этот безрассудный шаг), хватило на оплату трех лет обучения в Сорбонне.

И Катрин решила учиться. Лучшее, что она могла выбрать. Ее сверстницы украшали своим присутствием разные компании в кафешантанах и ночных ресторанах, работали модистками в ателье, рвались на сцену, в театр. Катрин постигала основы латыни и экономики.

– По началу все было интересно. И лекции, и профессора. Но чего-то не хватало. Я чувствовала – жизнь идет мимо! – Сергею было смешно и странно слышать это от двадцатидвухлетней девушки. – И я решила – все, хватит. Да и деньги кончились. Чтобы оплатить четвертый год обучения, мне пришлось идти работать в ателье мадам Дори. Это небольшое ателье, не далеко от Аустерлицкого моста, было самым поганым заведением, которое я когда-либо видела! Эти клиенты...

Сергей слушал Катрин, и ему казалось, что они знакомы вечность. В Париже в поезд сели совсем незнакомые люди, а в Туре вышли хорошие знакомые, один из которых знал о жизни другого почти все.

Как только Катрин спрыгнула с подножки поезда на перрон, она тут же бросилась в объятия человека, при виде которого Сергей испытал чувство изумления.

– Дядя! Дорогой, как долго я тебя не видела! Ты специально приехал меня встретить? Но как ты узнал? Я же не давала телеграмму!

Жерар смущенно улыбался Катрин и иногда поглядывал на Сергея, который неторопливо подходил к ним.

– Позволь, я тебе представлю, дядя, человека, о котором ты мне писал...

– Коти, Коти, помолчи. – Жерар протянул руку Сергею. – Извините ее, мсье. Она всегда была такой... несурзой!

Глаза Катрин округлились.

– Вы... знакомы?! – И ее лицо покрылось краской.

– Ваш дядя, Катрин, мой управляющий. Мне надо было сразу догадаться, чья вы племянница. Но Жерар никогда не говорил о вас.

– А что о ней говорить, мсье? Непутевая она. Бросила все, уехала. И сейчас тоже удивила. Ни телеграммы, ни письма. Как так можно, Коти?

Катрин прижалась к плечу Жерара.

– Все также ворчишь? Я так рада вернуться.

– Ну, вот что, мы еще не совсем приехали. Надо добраться до деревни засветло. Жерар, как там Ольга? – спросил Сергей.

– Ждет вас, – коротко ответил Жерар.

– Вот и отлично. Приглашаю вас сегодня на ужин. А о делах, Жерар, поговорим завтра.

Когда садились в машину, Катрин шепнула дяде на ухо:

– Кто такая Ольга?

Дядя лукаво посмотрел на племянницу.

– А что?

– Да нет, ничего.

– Не скрывай, тебе понравился мсье Раженский?

– Я его зову Серж.

– Да ну?! Раз так, то...

– Что, дядя? Не томи.

– Она его сестра.

Катрин вздохнула с облегчением. Сестра – не соперница.

Удивительно сознание женщин. Их интуиция зачастую превосходит логику мужчин. Потребовалось всего лишь несколько часов и вот, нате, скоропалительные выводы. Кто, скажите, может так резко изменить все в своем сознании?

Вот что важно: все строится вокруг чувства собственности. Поболтала с приятным молодым человеком пару часов и, готово, относишься к нему как к чему-то собственному. «У него кто-то есть?! Да как он смеет!» К каждой, кому он улыбнется, начинаешь испытывать чувство неприязни. Мало того, ревность вызывает все – прошлое, настоящее, будущее. Женщины. Много в них того, что способно свести мужчин с ума. Но и в мужчинах не мало того, что их оставляет без рассудка.

Нельзя сказать, что Катрин с самого начала стала испытывать к Сергею какие-то чувства. Да, молодой и красивый. Но это еще не повод... Или все же причина?! Да кто их разберет!

Одно верно, при упоминании имени Ольги, вся приятность от встречи с Раженским улетучилась, уступив место мгновенному разочарованию. Но кто согласится так просто отпустить чувство радости и удовлетворения?! Нет, за него будешь держаться, как утопающий за соломинку. Слова Жерара вернули Катрин к равновесию.

Глава 4

Англия. 1925 год.

Известие о беременности Алисы застало Говарда врасплох. В течение всей жизни он всегда все планировал, не позволяя разным неожиданностям что-либо менять в его планах. Четко сформулированные цели определяли каждый его шаг. В этом была половина его успехов. Цель – стержень жизни, вокруг которого свиваются все события. Без этого жизнь – хаос. Будучи человеком, не мыслящим себя вне того окружения, которое было обусловлено положением его высокого рода, Говард в тоже время четко сознавал, что цели общества не всегда созвучны тому, к чему стремится он сам.

Существует парадокс – люди, сплоченные не просто в толпу, а в общество, в эту основу государства, вдруг начинают верить в общие цели. Для Говарда это было непостижимо. Он прекрасно понимал, что без лидеров общество обречено. Но не видел никакой связи между этим фактом и тем, что лидеры во благо общества навязывают этому самому обществу СВОИ идеи и цели. Являясь выразителями настроений и пожеланий большинства, воплощая в себе надежду и пути достижения, лидеры все равно на каком-то этапе станут выдавать свои цели за общественные. В этом Говард был уверен. Потому никогда не увлекался ни политикой, ни социальной сферой. Личные цели – приоритет при любом стечении обстоятельств и при решении разных проблем. Путь достижения цели, в конце концов, становится строительством своего мира, в центре которого находится твое «я». Понимание этого помогло Говарду превратить небольшой банк отца в основу будущей финансовой империи, которую он не без оснований надеялся построить. Никогда он не позволял эмоциям влиять на ход этого строительства. Но новость о положении Алисы все же отвлекла его от насущных, каждодневных вопросов. Появление ребенка, событие столь радостное для многих, для него означало лишь одно – новые хлопоты. Ведь ребенок должен был стать наследником! В глубине души Говард ждал такого момента, он был неизбежен. Но когда он настал, Говард оказался... не готовым. По всем правам ребенок Алисы должен был наследовать все созданное Говардом. У Роберта детей пока не было, а если и будут в будущем, то они не смогут обладать тем, что самой природой дано ребенку Алисы. Он – первый!

Неплохо разбирающийся, судя по всему, в банковском деле Антон Раженский мог в будущем претендовать на место в совете директоров. Но главного кресла ему не видать. Он не крови Говардов. А вот его сын (Говард был уверен, у Алисы родится именно сын) вполне подходит для этого. Правда, есть еще Роберт, но это не такая уж большая проблема. Они с Антоном в совете директоров смогут создать ту силу, на которую впоследствии сможет опереться сын Алисы и Антона.

Такие размышления отодвинули на второй план все текущие дела. И Говард был несколько изумлен, когда ему позвонила секретарша и сообщила о назначенной встрече с Дейном и Раженским. С момента звонка Алисы прошли лишь сутки, а Говарду казалось, что перед глазами промчались годы. Он вновь вернулся к рассмотрению докладов Ренинга.

Мартин постарался. В Европе были выбраны несколько предприятий, нуждающихся в долгосрочных кредитах. «Саутенд Банк» был готов предоставить их. Говард рассчитывал на хорошее вложение капитала, не говоря уже о том, что два предприятия из выбранных с течением времени могли перейти в собственность банка.

Просматривая последнюю страницу одного из докладов Ренинга, Говард обратил внимание на небольшую приписку от руки. Тут же был вызван Ренинг.

– Что это? – Толстый палец Говарда уперся в листок. Ренинг надел очки и склонился над столом.

– Ах, это... Я хотел сказать вам об этом чуть позже.

– Ренинг, я не спрашиваю вас о том, когда вы хотели сообщить мне об этом. Мне интересно – что это?!

– Этот запрос пришел вчера... Одна компания по производству вина. Даже нее компания, а так, небольшое хозяйство.

– Вы же знаете, подобное не интересует наш банк. Нам нужны надежные капиталовложения. А производство вина – дело довольно хлопотное.

– Я понимаю вас, – перебил Говард Ренинг и сразу побледнел. – Простите. Видите ли, вот в чем дело. Это производство молодое и перспективное. И к тому же, его владелец...

– Кто?

– Сергей Раженский.

Говард посмотрел на Ренинга. Тот весь сжался.

– Продолжайте. – Говард опустил взгляд на листок.

– Раженский просит кредит. Свой счет он закрыл несколько лет назад...

– Я знаю.

– Видимо, ему не хватило средств. Я счел нужным включить его в список кандидатов.

– Он просит кредит, – медленно произнес Говард. – Странно, ведь он мог потребовать...

– Чего?

Говард метнул на Ренинга взгляд, и вопрос повис в воздухе.

– Антону не слова. Надеюсь, вы поняли меня? Очень хорошо. Через час я встречусь с Робертом и Антоном. Вы должны присутствовать. И вот еще что. – Мартин замер у дверей. – Сообщите членам совета директоров, что послезавтра я прошу всех собраться.

* * *

После разговора с Говардом, Антон и Роберт заехали в ресторан пообедать. Роберт был задумчив. Антон смущен. Когда Ричард Говард поздравил Антона с ожиданием ребенка и пожелал всего самого наилучшего, Роберта словно током ударило. Он всё прекрасно понял. Место лишь в совете директоров, и то, в лучшем случае. Дейн не был слишком честолюбив, но все же...

Антон не мог знать о том, что происходит в душе Роберта. Его задумчивость он относил на счет нового поручения Говарда.

Сделав заказ, оба закурили.

– Такое часто случается?

– Что? Прости, я не понял. – Дейн стряхнул пепел с сигареты и посмотрел на Антона.

– Говард часто ищет, куда бы вложить деньги на стороне? Согласись, это довольно странно. Есть не мало предприятий в Англии, от которых прибыль была бы быстрее. А в Европе...

– Говард знает, что делает. Европейские операции в его планах всегда занимали не последнее место. Тому есть объяснение. Он стремится расширить сферу влияния банка. Сейчас время самое подходящее. Согласен, европейские вложения окупятся не скоро, но зато как! Прибавь к этому факт, что имя банка будет становиться все более известным.

– Но у нас и так не мало клиентов в Европе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.